

ВАЛЕРИЙ ЮЛЬЕВИЧ ГЕССЕН

кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)
Тел. (812)382-62-70; E-mail: gessen27@mail.ru

В статье на основе архивных и литературных данных, а также воспоминаний родных и современников описана жизнь, научная, административная и преподавательская деятельность профессора А.А. Вознесенского. Особое внимание уделено событиям, связанным с его арестом, допросами и расстрелом. Рассмотрены репрессии в отношении его родных и близких, а также других преподавателей политико-экономического факультета Ленинградского университета.

Ключевые слова: А.А. Вознесенский, декан, ректор, министр, политическая экономия, университет, преподавание, книга, статья, трюккизм, «Ленинградское дело», арест, допрос, карцер, концлагерь, реабилитация.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: РЕКТОР, ПЕДАГОГ И МУЧЕНИК

1. Общие сведения о семье Вознесенских

Происхождение этой фамилии точно не известно. Но можно полагать, что она имеет церковные истоки, возможно, связана с православным праздником Вознесения Господня. В прошлом она была распространена среди духовенства и учащихся церковных училищ. И, конечно, со стороны ортодоксальных большевиков она сама по себе могла вызывать неприязнь.

Отец Александра Алексеевича Вознесенского – Алексей Дмитриевич Вознесенский – происходил из Тульской губернии, родился в семье дьячка. Как старший сын он должен был также следовать по духовной линии. Но он от этого отказался. В материалах допроса его дочери в 1937 г. было сказано, что он являлся личным почетным гражданином, т.е., подчеркнем, не потомственным, не наследственным. Его внук Лев Александрович Вознесенский писал, что ныне не понять, как Алексей Дмитриевич это звание получил. «Но как бы то ни было, столь, казалось бы, незначительный факт через десятки лет дорого обошелся его детям – моему отцу, его брату, их сестрам, став одним из пунктов обвинения по так называемому “Ленинградскому делу”»¹. Можно полагать, что он получил это звание как бы автоматически, за выслугу лет, находясь на скромном чиновничьем поприще местного уровня. Женой Алексея Дмитриевича была Любовь Георгиевна, урожденная Глаголева (1866–1951), родившаяся в семье священнослужителя небольшого чина. У них было четверо детей: Александр Алексеевич (1898–1950), Мария Алексеевна (1901–1950), Николай Алексеевич (1903–1950), Валентина Алексеевна (1905–1996).

Старший сын Александр Алексеевич родился в селе Подмалиново Новосильского уезда Тульской губ.² Остальные дети родились в селе Теплое Чернского уезда Тульской губ., по новому делению Тепло-Огаревского района Тульской обл. Когда дети подросли, семья переехала в уездный город Чернь. По этому поводу Валентина Алексеевна Вознесенская в своих воспоминаниях писала: «О селе Теплом я ничего сообщить не могу, – не помню его, так как, когда мы переехали в Чернь, мне было менее пяти лет. Этот переезд, видимо, был связан с необходимостью обучения детей. Хотя наши родители сами и не имели образования даже в пределах начальной школы, но нам, детям, они сумели как-то привить тягу к учению, к знанию. Я, как младшая в семье, сильно чувствовала это стремление у своих братьев и сестры».

Валентина Алексеевна так же писала об отце, что он «был мелким служащим уездной лесной конторы, заработки его были ничтожными, и семья наша постоянно терпела нужду и лишения <...> Умер он 30 сентября 1917 г. от бронхиальной астмы, 54 лет от роду. Помню, когда отец уже был больным, я ходила с ним в больницу и носила с собой маленькую скамеечку. Ходить отцу было тяжело, он задыхался и часто присаживался на нее для отдыха. Отец наш был очень добрым, мягким и общительным по натуре человеком. Ему было свойственно чувство юмора, он любил пошутить. Старший брат Александр рассказывал, что когда отец работал в лесной конторе, он писал “лес” через “е”, а не через “я”. И не удивительно, ведь отец учился всего 2–3 года в начальной школе и, конечно, не мог не делать подобные ошибки. Но на замечания сына

отец говорил: “Э-эх, сынок, за такое жалование, да еще яти им буду писать!”³ Позднее, вспоминая об этом эпизоде с отцом, мы все от души смеялись». В анкете А.А. Вознесенский в отношении отца писал, что его «бывшее сословие (звание) – лично-почетный гражданин, до Октябрьской революции приказчик, а затем сторож в лесу». На вопрос о его занятии после Октября ответил: «умер в 1917 г.». О матери написал, что она была «дом. хозяйкой»⁴.

О ней Валентина Алексеевна отмечала: «Мама наша, Любовь Георгиевна, занималась домашним хозяйством, растила и воспитывала детей (ведь нас было четверо!). В детстве в школу ходить ей не пришлось, так что образования она не получила. Но самоучкой она умела читать и писать. Читать она очень любила. Как-то уже совсем в преклонном возрасте, лет восьмидесяти, она с увлечением читала рассказы Чехова: и то плакала, то смеялась, читая их». И далее: «Мама любила всех нас, ей хотелось, чтобы все мы жили дружно между собою. Она радовалась тому, что все мы смогли получить при советской власти высшее образование, что мы с увлечением работали. Она гордилась преданностью своих детей советской власти, Коммунистической партии. Как-то она сказала: “Ах, какие вы счастливые, получили образование, работаете. Вот если бы я сейчас была молодая, то я упорно училась бы и много-много работала бы”. Трудолюбие было одной из основных черт мамы. Она не любила сидеть празднично, “сложена руки”. Безделье ее прямо-таки тяготило. Даже в глубокой старости она всегда находила себе какую-либо работу: что-нибудь чистила, стирала, шила и т. п. Мама не терпела лжи, была прямолинейной в своих высказываниях и считала, что всегда надо говорить человеку правду в глаза, как бы она неприятна ни была. Умерла мама 15 января 1951 г. в Туруханске, куда мы с ней были отправлены после того, как с Николаем Алексеевичем произошла страшная катастрофа. Мама ничего не понимала. Она рассказывала мне, что тем, кто ее допрашивал, она говорила: “Не волнуйтесь, партия разберется”». По официальным данным, Любовь Георгиевна Вознесенская была арестована в октябре 1950 г. в возрасте 84-х лет «как лицо, представляющее общественную опасность». Постановлением ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по статьям 7 и 35 УК РСФСР осуждена на восемь лет ссылки. Была отправлена по этапу в Туруханск Красноярского края. Умерла там от дизентерии 15 января 1951 г. Впоследствии была реабилитирована⁵. В ссылке она находилась вместе с дочерью Валентиной Алексеевной, которая окончила экономический факультет ЛПИ. Преподавала политэкономия в Ленинградском институте культуры им. Н.К. Крупской, во Всесоюзном ленинском коммунистическом университете им. Сталина. Кандидат экономических наук (1940). В момент ареста она заведовала кафедрой политической экономии в ЛПИ им. Герцена⁶.

Ее арест был произведен 20 октября 1950 г., осуждена ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» и «г» УК РСФСР на 10 лет ссылки. Освобождена 27 февраля 1954 г., реабилитирована⁷. После возвращения в Ленинград преподавала политическую экономию в вузах. Выпустила монографию «Экономические воззрения великих социалистов-утопистов Запада» (1958).

Был выслан также ее муж – Евсеев Евгений Александрович (1905–1962), экономист. Работал в Ленинградском областном земотделе. В 1939–1943 гг. – первый секретарь Ораниенбаумского райкома ВКП(б). В 1943–1945 гг. – председатель исполкома Ульяновского облсовета. В 1946–1949 гг. – начальник Университета марксизма-ленинизма в Ленинграде. Арестован в ноябре 1950 г., осужден ОСО МГБ СССР 27 января 1951 г. по ст. 7 и 5 УК РСФСР на восемь лет ссылки, которую отбывал в Акмолинской области Казахстана. Освобожден в мае 1954 г., реабилитирован⁸. Их сын Евсеев Михаил Евгеньевич (1932–2007) был арестован 3 февраля 1952 г., осужден ОСО МГБ СССР 2 апреля 1952 г. по указанным статьям на пять лет ссылки. Отправлен по этапу в Караганду, освобожден в апреле 1953 г., реабилитирован. Окончил ЛГИ. С 1960 г. преподаватель теоретической электротехники в Северо-Западном заочном политехническом институте, кандидат технических наук. Другой сын – Евсеев Александр Евгеньевич (1935–2011) – был осужден ОСО МГБ СССР 22 марта 1952 г. по указанным статьям также на пять лет ссылки. Освобожден в 1954 г., реабилитирован. Окончил ЛПИ им. А.И. Герцена. Там же был профессором на кафедре высшей алгебры, кандидат математических наук⁹. Во время беседы с ним сказал, что был в ссылке в Макинском районе Акмолинской области вместе с родителями.

Первой женой А.А. Вознесенского была Анна Васильевна Судакова (1902–1979). Ее дед Мартемьян Судаков имел детей: Василия (1872), Осипа, Анну и Евгению. Василий Мартемьянович Судаков происходил из Вологодской губернии, был священнослужителем невысокого сана, что, однако, не помешало ему попасть под расстрел в 1937 г. С женой Елизаветой Михайловной Малининой он имел девять детей. Сын Петр застрелился, не выдержав допросов, видимо в начале 1930-х гг. Дочь Анна Васильевна родилась в деревне Никольское Вологодской губернии. Училась в Петроградском университете. После замужества оставила занятия в нем и поступила в управление «Ленэнерго». Была арестована в октябре 1950 г. Осуждена ОСО МГБ СССР по ст. 58-1 «в» и 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Ее дело было пересмотрено постановлением ВКВС СССР и прекращено за отсутствием состава преступления. 3 февраля 1954 г. и она была реабилитирована¹⁰.

С ней Александр Алексеевич жил с 1919 по 1933 г. У них родилось два сына: Лев Александрович (1926) и Эрнест Александрович (1931–1997). Анна Васильевна говорила, что А.А. Вознесенский спас ее в годы блокады, обеспечив ее эвакуацию в 1941 г. Хотя ко времени ее ареста она давно не была его женой, ее обвинили в «партийном проступке», в «сокрытии» сведений, относившихся к ранее арестованному А.А. Вознесенскому, в «попустительстве» преступлениям, в которых он обвинялся. Конкретно оно состояло из небольшого числа слов в одном (или нескольких) ее писем к мужу, посланных в 1929 г. В них содержалась жалоба на материальные трудности, обострившиеся к тому же существенным вычетом из зарплаты в виде взноса на государственный заем. Получалось, по мнению следствия, что на примере своего коллектива она критиковала морально-психологическую обстановку в стране. В 1938 г. была исключена из партии. Все это увязывалось с А.А. Вознесенским, которому в феврале 1938 г. парткомиссия КБФ «за притупление большевистской бдительности» объявила строгий выговор с занесением в личное дело. Как писал В. Михельсон, «этот выговор он получил от перестраховщиков Военно-морской академии, где он возглавлял кафедру политэкономики, в связи с арестом сестры Марии, на защиту которой он выступил. В эти дни и стала белой голова Александра Алексеевича. Ее трагедия была первым предвестником бед, которым спустя ряд лет предстояло обрушиться на членов семьи Вознесенских. Второй выговор, как явствует из решения Куйбышевского райкома партии, он получил в декабре 1938 г. “за не реагирование на контрреволюционные письма бывшей жены с занесением в личное дело”. Видимо, кто-то читал эти письма и донес. Так вот, оказывается, он был обязан, получив такие письма, тотчас же бежать в соответствующие

органы и подать заявление. Парткомиссия КБФ не удовлетворилась выговором, а поставила вопрос о нецелесообразности его использования на преподавательской работе. Тогда, правда, бюро Ленинградского горкома партии во главе с секретарем комитета А.А. Кузнецовым, выразило А.А. Вознесенскому полное доверие и сняло наложенные на него партийные взыскания»¹¹.

При обыске его квартиры в 1949 г. обнаружили ее письма к нему, которые он продолжал хранить. И они были использованы следователями против Анны Васильевны и А.А. Вознесенского. На допросах она все, что считали в них антисоветским, относила только к себе, заявляла, что бывший муж к этому отношению не имеет, что он «советский человек», что «антисоветских» бесед у них не было. По этому поводу так и хочется спросить, почему А.А. Вознесенский их не уничтожил. Но он, видимо, был такой человек, который просто не мог это сделать¹². Как писал Лев Александрович Вознесенский, «мать вышла из лагеря совершенно больной, находясь в заключении трудилась на тяжелых работах, в том числе на лесоповале. В 1945 г. ей дали комнату в Ленинграде, куда к ней переехал Эрнест»¹³. Теткой Л.А. Вознесенского была Судакова Лидия Васильевна (1909–1990)¹⁴. Всем этим Вознесенским при арестах поминалось, что они происходили из низовых «служителей культа», хотя, может, реже, чем личное почетное гражданство.

Лев Александрович Вознесенский – известный государственный и общественный деятель. Родился в Ленинграде. До ареста студент 4-го курса экономического факультета МГУ. Был арестован 20 декабря 1950 г. Осужден ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» ч. 1 УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Около четырех лет провел в лагерях. На первом допросе следователь, увидев, что Лев Александрович засмеялся, услышав обвинения во вражеской деятельности в отношении его отца и его самого, закричал: «Смеешься? Твой отец больше года смеялся нам в лицо, когда мы называли его врагом народа! Теперь, наверное, смеется в другом месте!»¹⁵ После освобождения он окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ, стал кандидатом экономических наук, преподавал и вел научную работу. Затем был консультантом редакции журнала «Коммунист», референтом Отдела международной информации, лектором и консультантом Отдела пропаганды ЦК КПСС. С 1974 г. – политический обозреватель Центрального телевидения СССР. Был первым и на протяжении ряда лет единственным политическим обозревателем по вопросам внутренней жизни страны. Стал организатором и ведущим новаторских по содержанию и форме телевизионных циклов, с конца 1980 г. и в течение многих лет прямых телевизионных передач с участием руководителей правительства, министерств и ведомств, известных ученых, которые отвечали на вопросы телезрителей. В 1988 г. параллельно с работой на Центральном телевидении по предложению Н.И. Рыжкова организовал и возглавил первое в стране специальное структурное подразделение в высших органах власти – Отдел информации Совета министров СССР с целью обеспечения открытой прямой и обратной связи между правительством и обществом. Принципы и практика работы Отдела в дальнейшем были воспроизведены практически во всех органах государственного управления. В разных формах выдвигал идеи перестройки в Советском Союзе задолго до ее начала. Выступал со многими лекциями и докладами по этим проблемам в различных аудиториях, как в СССР, так и за его пределами. Принимал участие в отечественных и иностранных научных и политических дискуссиях. Лауреат премии Союза журналистов СССР. Имел правительственные награды. Его книга «Истины ради...» имеет весьма существенное значение для описания жизни и деятельности рода Вознесенских.

Он писал, что когда начались среди них аресты, в дополнение к выявленным следователями указанным двум криминалам в их происхождении был найден и третий, еще более, по их представлениям, порочащий. Он заключался с тем, что во время допроса Мария Алексеевна Возне-

сенская сказала, что в г. Ефимове проживала тетка ее отца, которая содержала сапожную мастерскую. В ней некоторое время работал и ее отец, которого эта тетка хотела в будущем сделать владельцем мастерской. Но из этого ничего не вышло. Отец отказался от этого, ушел в приказчики к купцу Борисоглебскому. Но следователи этот эпизод «творчески» переработали. И в обвинительных документах двух сыновей и дочери Алексея Дмитриевича Вознесенского было записано, что они происходят из семьи владельца сапожной мастерской, т. е. являются потомками эксплуататора¹⁶.

Другой сын А.А. Вознесенского от первого брака – Эрнест Александрович Вознесенский – родился в апреле 1931 г. в Ленинграде. В августе 1941 г. был эвакуирован с братьями и второй женой отца в Галич, а оттуда через несколько месяцев по инициативе и участии брата отца Н.А. Вознесенского – в Свердловск. После возвращения родителей из Саратова в Ленинград поселился у матери. В январе 1949 г. переехал к отцу в Москву, у которого уже жил старший брат Лев. В 1950 г. после окончания школы сделал попытку поступления на юридическом факультете МГУ. Но не был принят, как писали, по анкетным данными: скорее всего, в связи с начавшимися преследованиями Вознесенских. Однако поступил на 1-й курс финансово-экономического факультета Московского финансового института. Арестован 21 октября 1950 г. Осужден ОСО МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «а» ч. 1 УК РСФСР на восемь лет ИТЛ особого режима. Провел четыре года в лагерях объединения «Воркутугль». За отказ сотрудничать с «органами» не раз сидел в карцере. В 1954 г. освобожден, реабилитирован и вернулся в Ленинград. Затем переехал в Москву в связи с восстановлением на первом курсе Финансового института. В этом же году с женой вернулся к матери в Ленинград, был зачислен вместе с ней на второй курс ЛФЭИ, которому впоследствии было присвоено имя Н.А. Вознесенского. Окончил институт в 1958 г., после чего в нем началась его научная и педагогическая работа, состоялась защита кандидатской и докторской диссертаций по экономике финансов (последняя в 1970 г.). В период с 1972 по 1982 г. возглавлял кафедру финансов. Являлся автором учебников и монографий, которые внесли серьезный вклад в развитие теории отечественных финансов. Монографии «Дискуссионные вопросы теории социалистических финансов», «Методологические аспекты анализа сущности финансов» получили широкую известность в научном сообществе финансистов. В 1970-х гг. им были написаны воспоминания, которые в 1990 г. вышли в свет под названием «Вхождение в жизнь». Они имеют серьезное значение для выполнения данной работы, в основном за счет описания лагерной жизни. Там он, в частности, описывал последнюю встречу летом 1949 г. Н.А. Вознесенского на его даче с братом Александром Алексеевичем. Они тогда не могли наговориться, наверно ожидая всего самого худшего. Писал и о том, что после ареста А.А. Вознесенского его брат Лев Александрович, учившийся на 4-м курсе экономического факультета МГУ, проделал титаническую работу по спасению отца. Она заключалась в рассылке писем членам Политбюро ЦК КПСС (кроме Берии и Маленкова) и другим известным лицам, в котором высказывал свое мнение об отце и просил обеспечить объективное ведение следствия по его делу. И заключил это сообщение такой фразой: «Но не всякая, пусть даже и титаническая деятельность дает желаемый результат»¹⁷.

Второй женой Александра Алексеевича Вознесенского была Клавдия Николаевна Мироненко (1903–1993) с которой он жил с 1933 по 1941 г. Она училась на правовом отделении ЛГУ в 1924–1927 гг., затем преподавала на юридическом факультете «Историю государства и права». В 1934 г. она была там ассистентом, преподавала в ЛИИС «Исторический материализм»¹⁸. Во время эвакуации в Свердловске 31 июля 1944 г. защитила диссертацию, стала кандидатом юридических наук. После возвращения из эвакуации снова преподавала в ЛГУ. С 23 мая 1949 г. возглавляла кафедру истории государства и пра-

ва. 25 июня 1949 г. утверждена Минюстом в звании доцента¹⁹. Работала над докторской диссертацией на тему «Совет министров царской России после 1905 г.». Участвовала в подготовке большой коллективной работы «История государственных учреждений царской России в XIX веке и в начале XX века»²⁰. В начале мая 1949 г. как секретарь партбюро юридического факультета выступила на 3-й партийной конференции ЛГУ²¹. Приказом по юридическому факультету от 1 декабря 1949 г. она была освобождена от должности заведующей кафедрой²². Приказом № 2972 от 10 декабря 1949 г. за подписью ректора ЛГУ Н.А. Домнина ее освободили от работы в университете, «как не могущую быть использованной на педагогической работе»²³. Затем появился приказ ректора ЛГУ № 319 от 31 января 1950 г. о переводе доцента Мироненко К.Н. из ЛГУ на постоянную работу в Среднеазиатский госуниверситет на должность доцента кафедры теории государства и права на основании приказа заместителя министра высшего образования СССР А.И. Михайлова²⁴. Из отдельной квартиры на ул. Чайковского, 10, ее с детьми выселили в коммунальную квартиру в доме на ул. Пестеля, где они получили две комнаты. Через некоторое время один из следователей (видимо, из бывших ее учеников) посоветовал ей немедленно уехать из Ленинграда. После этого во исполнение указанного распоряжения от 26 января 1950 г., также подписанным А.И. Михайловым, была переведена на постоянную работу в Томский госуниверситет²⁵.

Она выехала туда и с февраля 1950 г. преподавала. Была арестована и привезена в Ленинград. Почти полгода провела в следственной тюрьме Управления УМГБ ЛО, подвергаясь допросам. Находилась в нескольких сотнях метров от дома, где жили ее дети, она была лишена возможности видеться с ними. Осуждена ОСО МГБ СССР 4 июля 1951 г. по ст. 7 и 35 УК РСФСР на пять лет ссылки. Жила в с. Маклаково Красноярского края. Работала на деревообрабатывающем предприятии в сушильном цехе. Сдала экзамен на мастера сушильного дела. Освобождена в 1953 г., реабилитирована. После возвращения в Ленинград работала в Юридическом институте, с 1954 г. – в ЛГУ²⁶.

От брака Клавдии Николаевны Мироненко с Александром Алексеевичем Вознесенским появилось двое детей. Валерий Александрович Мироненко (1935–2000) до ареста учился в школе. Когда ему исполнилось 16 лет и он получил паспорт, был осужден ОСО МГБ СССР 22 марта 1952 г. по указанным статьям также на пять лет ссылки. Как и мать, выслан в с. Маклаково. После освобождения был реабилитирован. Окончил ЛГИ по специальности «гидрогеология» и ЛГУ по специальности «математика-механика». С 1958 г. работал инженером, заведующим лабораторией во Всесоюзном НИИ горной геомеханики и маркшейдерского дела. Доктор геологических наук. С 1972 по 1997 г. профессор на кафедре гидрогеологии ЛГИ. С 1990 г. член-корреспондент АН СССР²⁷. Ирина Александровна Вознесенская (1941) после ареста матери была отправлена в детприемник-распределитель, находившийся в г. Пушкине, затем в детский дом № 32 на 17-й линии Васильевского острова. Находилась там до возвращения из ссылки матери в 1954 г. Окончила филологический факультет ЛГУ. Кандидат филологических наук. Преподавала в Ленинградском финансово-экономическом институте им. Н.А. Вознесенского²⁸. Ее дочь Анна Александровна Вознесенская (1966) – генеральный директор весьма известной Образовательной компании.

В дальнейшем изложении будет подробно сказано и о других представителях рода Вознесенских, в основном репрессированных. А всего из него репрессиям в 1949–1951 гг. подвергся 21 человек.

Что касается Александра Алексеевича Вознесенского, то впервые в адресном справочнике Ленинграда он упомянут в 1925 г., как проживавший на Университетской набережной, 11, где тогда были студенческие общежития²⁹. С 1926 г. он жил на набережной реки Фонтанки, 22³⁰. В 1929–1931 гг. там же проживала и его сестра Валенти-

на Алексеевна³¹. Последние годы в Ленинграде жил на Университетской наб., 7/9, кв. 49.

2. Ученая, педагогическая и организационная деятельность А.А. Вознесенского

В сентябре 1917 г. после окончания средней школы Александр Алексеевич Вознесенский поступил в Петроградский историко-филологический институт, преобразованный в 1918 г. в Педагогический институт. В 1921 г. был переведен в ПГУ. Его он окончил в 1923 г. по созданному в 1921 г. Факультету общественных наук (ФОН) и был оставлен научным сотрудником по кафедре политической экономики³². В анкете А.А. Вознесенский писал, что учился в ФОН в 1917–1923 гг., в результате чего получил специальность «теоретическая экономика»³³. Во время учебы он был с декабря 1917 г. по 1918 г. секретарем экономического отдела Петроградского райсовета, в 1919–1921 гг. – уполномоченным Наркомпроса по Пединституту. Писал в автобиографии: «За время пребывания в высшей школе непрерывно совмещал свои учебные занятия с общественной и советской работой, как в многочисленных студенческих организациях, так и в различных учреждениях»³⁴.

С 1920 по 1923 г. он преподавал в средней школе, уже с 1923 г. во многих высших учебных заведениях, где не только вел семинары, но и читал лекции, а со временем заведовал кафедрами, в основном политической экономики. В 1922–1925 гг. он был преподавателем политграмоты на рабочем факультете ПГУ. В 1922–1924 гг. он секретарь президиума ФОН ЛГУ, в который входили пять отделений: экономическое, правовое, общественно-педагогическое (история), этнолого-лингвистическое и литературно-художественное. После завершения учебы по рекомендации профессоров А.И. Буковецкого и И.М. Кулишера, он был оставлен на кафедре политической экономики. В анкете А.А. Вознесенский писал, что в 1923–1931 гг. он был доцентом, а потом профессором ЛГУ, в 1925–1933 гг. он доцент, затем профессор Коммунистического института им. Крупской. В 1925–1937 гг. – старший руководитель, начальник кафедры Военно-морской академии³⁵. В 1929–1935 гг. он преподаватель Института красной профессуры, в 1930–1936 гг. старший научный сотрудник ЛОКА. В 1932–1936 гг. – профессор, заведующий кафедрой политической экономики ЛИФЛИ. С 1937 по 1941 г. он профессор, заведующий кафедрой Юридического института³⁶. Видимо, по этому институту он в декабре 1937 г. был утвержден ВАК в профессорском звании по кафедре политической экономики³⁷. В 1940 г. преподавал на Ленинских курсах при ЦК КПСС. Занимался общественной работой, был, например, в 1920–1922 гг. членом Петроградского совета, в 1934–1937 гг. членом бюро секции Научных работников³⁸. Ученую степень кандидата экономических наук получил в 1936 г.³⁹ Принят в члены ВКП(б) Василеостровским райкомом Ленинграда в апреле 1927 г.⁴⁰

Валентина Алексеевна Вознесенская писала, что ее старший брат – Александр Алексеевич, – будучи студентом ПГУ, – приезжая в Чернь на летние каникулы в 1918–1921 гг., выступал с докладами на общеполитические темы на митингах и собраниях. «Он был начитанным и образованным человеком, прекрасно владел ораторским искусством. Четкость и ясность изложения, строгая логика мышления делали его выступления весьма популярными и убедительными»⁴¹.

Один из бывших студентов ФОН вспоминал о занятиях семинара по политической экономике, которым руководил профессор С.И. Солнцев. «Занятия проходили в помещении экономического кабинета. Студенты обычно собирались за полчаса и беседовали на разные темы. Нередко в них принимали участие и студенты более раннего поступления: А. Вознесенский и В. Рейхардт. Рассказывали о студенческих сходах в 1920/1921 учебном году»⁴². Одна из студенток этого факультета писала, что, вернувшись после длительного отсутствия в Ленинград, вероятно после лагерей и ссылки, не застала здесь А. Вознесенского. Вспоминала, что он вступил в партию значительно позже их совместной работы в академической сек-

ции, в которой он был единственным беспартийным. До этого читал лекции по политэкономии в отделении языковедения и материальной культуры ФОН⁴³. Другой бывший студент отмечал: «По нашему настоянию был введен факультативный курс В.В. Святловского “История социализма”. Одновременно на историческом отделении был создан семинар того же профессора по изучению произведений К. Маркса. В 1920/1921 учебном году этот семинар не был еще официальным. Но в следующем учебном году был утвержден как учебный семинар по политэкономии. Немало помогал нам в академических начинаниях работавший в деканате факультета общественных наук секретарем студент А.А. Вознесенский, тогда еще беспартийный»⁴⁴.

В цитируемой этой же работе имеется такое замечание: «В 1924 г. при реорганизации ФОН секретарем его президиума был назначен кандидат в члены РКП(б) А.А. Вознесенский»⁴⁵. В ней также сказано, что в 1924 г. он руководил семинаром по изучению «Капитала» К. Маркса⁴⁶. В 1921 г. на базе ФОН было организовано Научное общество марксистов. Из экономистов в нем принимали участие А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт, М.Ю. Бортник, В. Серебряков, В.В. Святловский, А.А. Пальцев, А.И. Буковецкий.

Как отмечал С.И. Тюльпанов, в 1920-е гг. в острой идеологической борьбе происходило становление марксистского направления в университетском образовании. И А.А. Вознесенский был активным его представителем. Его первой научной работой являлась большая статья «Социально-экономические предпосылки австрийской школы». Она была написана им еще на студенческой скамье⁴⁷. Вскоре появилась его работа «Краткий обзор русской литературы по политической экономике за 1923 г.»⁴⁸. «И хотя в отдельных положениях этих первых научных трудов А.А. Вознесенского лишь только еще отразился сам процесс становления политической экономики социализма, он уже в них проявил себя как знаток не только теоретических проблем, но и методологии этой науки, а также и методики ее преподавания»⁴⁹.

Александр Алексеевич принял самое деятельное участие в происходивших экономических дискуссиях. Особенно широкую известность приобрела его статья «К вопросу о понимании категории абстрактного труда»⁵⁰. По мнению С.И. Тюльпанова, это была первая в советской литературе работа, направленная против как идеалистических, так и механистических искажений методологии К. Маркса. В этой статье, как и в некоторых других, сохранился детальный и чрезвычайно ценный анализ такой важнейшей категории политической экономики К. Маркса, как абстрактный труд, от правильного понимания которой, в конечном счете, зависит все в политической экономике. Становлению подлинно марксистских взглядов способствовали такие статьи А.А. Вознесенского, как «Против идеалистических и механистических шатаний в политической экономике»⁵¹, «Антимарксистские извращения в теоретической экономике»⁵².

Но особенно ценными являются крупные по объему работы – «Предмет политической экономики» и «Товар», написанные для вузовского учебника политической экономики, выдержавшего к 1933 г. три издания⁵³. С.И. Тюльпанов подчеркивал, что в этих работах дан непревзойденный в советской экономической литературе тонкий и всесторонний анализ взаимосвязи предмета и метода политической экономики, основных моментов способа производства материальных благ, диалектики производительных сил и производственных отношений, двойственного характера труда и других категорий экономической науки. Утверждал, что еще в тот период Александр Алексеевич показал сущность и причины изменения содержания товарно-денежной формы продукта в различных укладах экономики переходного периода в условиях строительства социализма, определил основополагающие начала характеристики специфической формы продукта труда в социалистическом обществе. Заметным явлением в нашей экономической литературе была его статья «Расширенное социалистическое воспроизводство»⁵⁴, в которой была

изложена система взглядов на эту проблему, которой ученые и преподаватели придерживались и в дальнейшем.

К сожалению, не увидела света уже подготовленная к печати монография А.А. Вознесенского «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современный капитализм» объемом свыше 11 печатных листов (1941). Также и рукопись брошюры «Динамика стоимости рабочей силы при капитализме» (1937). Методологический характер имели и его пропагандистские статьи: «Как жил и работал К. Маркс», «Значение изучения “Капитала” К. Маркса»⁵⁵ и некоторые другие. Ряд статей, в основном публицистического характера, был напечатан в первый год войны (в журнале «Пропаганда и агитация» и в других изданиях). Занимая видное место в истории формирования и развития советской экономической мысли, научное наследие А.А. Вознесенского вместе с тем невелико по объему: обнаружено примерно 25 печатных листов его опубликованных политико-экономических работ. Наиболее значительные труды, по существу, пропали во время последующих репрессий.

Кроме указанных С.И. Тюльпановым, отметим такие опубликованные труды А.А. Вознесенского, как «О коммунистическом отношении к труду»⁵⁶, «Как жил и работал К. Маркс»⁵⁷, «Всемирно-историческое значение “Капитала” К. Маркса», «Организованность, дисциплинированность и самоотверженность советских патриотов – залог быстрой победы над врагом», «Ленин и оборона социалистического отечества». К упомянутым трудам, добавим пропавшие вследствие ареста статьи: «Марксистско-ленинская теория капиталистических кризисов» (1938), «Разработка И.В. Сталиным теории империализма», «Как самостоятельно изучать “Капитал” Маркса»⁵⁸.

М.П. Саков в своей статье приводил немало примеров, характеризующих значение научных трудов А.А. Вознесенского для становления политической экономии социализма⁵⁹. Но перед этим он характеризовал его как активного борца с фальсификаторами марксизма, выступавших с левых и правых позиций. «Напряженность политической и теоретической обстановки нашла свое отражение в высоком публицистическом накале работ А.А. Вознесенского этого периода. В них он сражался, как и подобает ученому, – оружием знания, аргументов, творческой мысли, научной добросовестности». М.П. Саков отмечал, что предметом политической экономии являются производственные отношения как специфически общественная форма развития производительных сил. А.А. Вознесенский в числе первых советских экономистов отстаивал это исходное марксистское положение. Он всесторонне обосновывал это понимание предмета политической экономии, что имеет принципиальное значение для определения путей ее дальнейшего развития. Подчеркивая определяющую роль производительных сил в развитии общества, он много внимания уделял анализу их взаимодействия с производственными отношениями. Он доказывал их неразрывное единство и диалектическое взаимодействие, их активную роль в этом развитии. Подчеркивал, что для характеристики производственных отношений решающее значение имеет тип связей или способ соединения производительных сил со средствами производства. Обосновывал правомерность и необходимость существования политической экономии социализма. То есть считал необходимым понимание того, что политическую экономию надо изучать в широком смысле, как охватывающую не только капитализм, но и все сменяющие друг друга способы производства. Доказывал, что социалистический способ производства, несмотря на то, что является планомерно организованным обществом, имеет свои экономические законы. Подчеркивал положение о сознательном использовании при социализме объективных экономических законов.

А.А. Вознесенский считал, что в период формирования политической экономии социализма как нового раздела экономической науки особенно важно было выбрать правильный метод. Применение метода материалистической диалектики к каждой науке имеет свои специфичес-

ки черты, выявление которых и составляет первейшую и труднейшую задачу. Четкая и ясная постановка этого вопроса А.А. Вознесенским, безусловно, помогла выработке исходных методологических позиций политической экономии социализма. Он утверждал, что для нее это означает, что она не может механически воспринимать логику раскрытия предмета политической экономии капитализма и должна выработать свой метод, соответствующий природе нового способа производства. Научные интересы Александра Алексеевича Александровича всегда были направлены на актуальные жизненные проблемы, идеологически острые, теоретически наиболее сложные. Поэтому он столько внимания уделял правильному пониманию таких экономических категорий, как товар и деньги. Его работы, связанные с ними, выделяются именно четкостью и ясностью научной логики раскрытия их сущности.

В заключение своей статьи М.П. Саков писал: «Секрет успеха научной деятельности А.А. Вознесенского кроется в том, что он глубоко понимал творческий характер марксизма. Он по-настоящему овладел его методом и умело применял его в своих экономических исследованиях. Конечно, в его трудах есть положения, характеристики и оценки, которые уже утратили свою актуальность или оказались неточными, а иногда неверными. Это естественное следствие специфических условий того времени – начало периода формирования политической экономии социализма. Однако бесспорным является то, что он внес серьезный вклад в развитие марксистско-ленинской политической экономии»⁶⁰.

С.Я. Зак, бывший в течение первых двух лет аспирантом А.А. Вознесенского, а потом доцентом на руководимой им кафедре политической экономии в ЛГУ, писал в своей статье об истории создания упомянутой выше подготовленной к печати монографии своего учителя «Логика и основные идеи “Капитала” К. Маркса и современность». Отмечал, что раньше – в 1973 г. – говорили, что рукописи этой книги и второй упомянутой выше «не увидели света» или «пропали», вместо того, чтобы сказать, что они были изъяты при аресте их автора и уничтожены⁶¹. С.Д. Зак писал, что более подробно по этой теме он хочет высказаться в статье «А.А. Вознесенский – ученый, педагог, организатор», которую будет публиковать в будущем. А в данном случае эту же тему описал более кратко. Над рукописью первой названной книги ее автор начал работать в 1930-х гг. И перед началом Великой Отечественной войны ее объем составлял примерно 11 печатных листов. С ней были ознакомлены профессор В.В. Рейхардт и преподаватель Е.С. Берлович, которые ее высоко оценили. Потом она автором дорабатывалась, и к 1947–1948 гг. ее объем возрос до 20 печатных листов, и она была готова к печати. По словам А.А. Вознесенского, им были написаны два или три варианта рукописи. На основе их он хотел опубликовать цикл брошюр, посвященных научной биографии К. Маркса, а также создать для студентов комментарий ко всем томам “Капитала”, но в ином плане по сравнению с тем, как это было сделано в известной работе Д.И. Розенберга.

С.Д. Зак также отмечал: «Благодаря стечению некоторых обстоятельств, я имел возможность не только ознакомиться с рукописью А.А. Вознесенского, но даже в известной степени ее изучить. Со смертью его рукопись монографии исчезла из его личного архива и до настоящего времени нигде не обнаружена». Потому С.Д. Зак считал своим долгом, хотя бы фрагментарно, воспроизвести некоторые положения и мысли, сохранившиеся в памяти и в некоторых записках. Он подчеркивал, что А.А. Вознесенский писал о неразрывной связи трудов В.И. Ленина об империализме («Развитие капитализма в России» и «Империализм как высшая стадия капитализма») как о логическом продолжении «Капитала» К. Маркса, составляющих с ним единый труд, который когда-нибудь надо вместе и издать. Он подчеркивал, что К. Маркс в своих исследованиях пользовался прежде всего логическим методом, а В.И. Ленин – историческим. Доказывал, что К. Маркс начал свой главный труд не с простого

товарного производства, а именно с капитализма. Мысль А.А. Вознесенского сводилась к тому, что товар становится исходным пунктом социально-экономической системы капитализма с того момента, когда товаром становится и рабочая сила.

Интересны приведенные С.Д. Заком высказывания А.А. Вознесенского по поводу оперирования К. Марксом отдельными понятиями в зависимости от конкретных условий их применения. Когда, например, абстрактный труд является формой общественного труда. Но в отношении к стоимости продукта выступает как ее содержание. «Эти рассуждения Александра Алексеевича нам представляются тонкими и важными для понимания диалектики категорий в «Капитале»». Большое внимание он уделил вопросам стоимости рабочей силы. Считал, что при определении динамики этого показателя надо брать систему капитализма в целом, брать в разные фазы ее развития, даже в разные фазы цикла. В разных странах могут брать верх как факторы понижающие, так и факторы повышающие. Много внимания уделял анализу теории прибавочной стоимости в «Капитале», о его попытках объяснить, что представляют собой «законы-тенденции», о которых писал К. Маркс. С.Д. Зак по этому поводу писал: «Поскольку каждая тенденция порождает контртенденцию, то в определенных странах, в определенные периоды та или иная контртенденция берет верх и становится доминирующей». В связи с этим А.А. Вознесенский считал, что элементы организованности, плановости и сознательности в современном капитализме есть, прежде всего, реакция на хаос и анархию, которые грозят системе гибелью. Отсюда стремление государства использовать эти контртенденции в интересах монополистической системы и своей политикой парализовать нежелательное действие экономических законов⁶².

Л.А. Вознесенский писал по этому поводу, что особый интерес представляло изложение основных положений уничтоженной после ареста указанной рукописи. С.Д. Зак, хорошо был знаком с ней. «Нередко заменяя А.А. Вознесенского, он по ней читал лекции. По этому поводу писали, что «тогда уничтожили не только людей, но и их мысли»⁶³. Л.А. Вознесенский считал, что его отец «внес весомый вклад в основы появления и развития политэкономии социализма. Ярко выраженная особенность его работ – их глубокая методологичность, что имело исключительно важное значение в условиях, когда еще только вырабатывались принципы научного анализа совершенно новой социально-экономической действительности, а предполагаемые выводы проверялись суровой практикой жизни. Так, за два года до начала широкомасштабной дискуссии по этой проблеме, он в своей обширной статье «К вопросу о понимании категории абстрактного труда» первым выступил как против механистических, так и против идеалистических ее трактовок. Дал в этой и более поздних своих работах детальный и чрезвычайно ценный анализ этого основополагающего понятия экономической теории Маркса».

Лев Александрович подчеркивал то, что заметный след в истории политэкономии советского периода оставили два крупных раздела – «Предмет политической экономии» и «Товар», подготовленные его отцом для вузовского учебника, на что было указано выше. «Интегральный характер этих работ, которые представляли собой сплав экономического, философского и социологического анализа, позволял студентам пройти школу подлинного научного мышления, когда в центре внимания исследователя оказывались внутренние противоречия, присущие экономическим явлениям и процессам. Это облегчало выявить закономерности их развития и взаимодействия. В его работах дана всесторонняя характеристика предмета и метода политической экономии и их единства, основных моментов способа производства материальных благ, содержания таких понятий, как производительные силы и производственные отношения, раскрыта диалектика их взаимосвязи»⁶⁴.

«Как и ряд других экономистов, Александр Алексеевич защищал тезис о научной правоте и необхо-

димости формирования политической экономии переходного периода и периода социализма. И, что особенно ценно, уже в те годы, вопреки весьма распространенным представлениям, говорил о существовании экономических законов его движения и их объективном характере. Основным из них на переходном этапе он считал закон социалистического обобществления, который реализуется через плановую деятельность государства. Она же, по ее выполнению, может быть успешной только при использовании товарной формы в качестве рычага планирования народного хозяйства. Вместе с тем, подчеркивая товарный характер тогдашнего общественного производства, он впервые проанализировал социально-экономическую природу и роль продукта труда в каждом секторе народного хозяйства в переходный период»⁶⁵.

В публикациях, посвященных анализу политико-экономических работ А.А. Вознесенского, отмечается, в частности, и статья «Расширенное воспроизводство» (1941), где обозначены его важнейшие черты и особенности. И именно такая система взглядов на эту проблему стала затем общепринятой в научной и учебной литературе. В равной степени это относится и к другим новаторским позициям. В его сочинениях, создававшихся автором в процессе поиска научной истины, преодоления принимавшихся экономистами (в том числе и им) в то время за истину заблуждений, и активного участия в коллективной выработке методологических основ и теоретических выводов нарождающейся политэкономии социализма.

В высшей степени требовательный к себе во всем, и прежде всего в научном отношении, он, добиваясь максимальной точности в содержании, в научной разработке тех или иных идей, умел изложить их просто и доходчиво. Именно с этих позиций он не был удовлетворен хорошо известным в те годы, весьма полезным при всех его недостатках уже упомянутым четырехтомником «Комментариев» Д. Розенберга к «Капиталу» К. Маркса. Он считал, что раскрыть логику и содержание этого основополагающего труда можно и нужно глубже, точнее, доходчивее. И при всей своей занятости практическим делами он все же делал наброски для такого издания. К сожалению, они, как и фактически законченные рукописи книг, были уничтожены вместе с автором. Прирожденный, как многие считали, администратор, блестящий организатор, он тем не менее остро переживал то, что служебные и общественные обязанности отвлекали его от чисто научной и преподавательской деятельности. Однажды, в пору самых высоких официальных признаний эффективности его работы на посту министра, он с ноткой горечи сказал: «Все, что я сейчас делал и делаю в сфере управления, очень скоро забудется. Останется лишь то, что принадлежит науке»⁶⁶.

Теперь от рассмотрения ученой деятельности А.А. Вознесенского перейдем к деятельности педагогической, хотя в жизни этого человека их полностью разграничить весьма трудно. И это потому, что, например, элементы науки он стремился привнести во все сферы деятельности. Как писал С.И. Тюльпанов, А.А. Вознесенский, несомненно, достиг вершины педагогического мастерства. Секрет его успеха не только в том, что он обладал поразительной работоспособностью, глубокими знаниями, остроумием и великолепным ораторским мастерством, но и тем, что для него было характерно уважение к аудитории, стремление поделиться со слушателями не столько тем, что они могут прочесть в литературе, сколько новым, рожденным недавно. Он считал, что студент университета должен обладать не просто суммой знаний, а знаниями, основанными на подлинно научной методологии. Он должен понимать логику той науки, которую он изучает. Выводы им не декларировались, а доказывались. Аудитория подходила к ним как бы самостоятельно⁶⁶.

Как отмечал академик М.П. Алексеев, он встретил А.А. Вознесенского в самое суровое время – осенью 1941 г. «Сосредоточенный, озабоченный, но собранный, спокойный, строгий. Он как бы воплощал в себе идеального, прирожденного руководителя. Таких руководителей редко можно встретить именно среди ученых. Некоторые

из них увлекаются организационной деятельностью в ущерб своим научным интересам. Другие, наоборот, принужденно занимаются хозяйственно-административными делами, с горечью покоряются обстоятельствам, которые отрывают их от книг. Для меня и сейчас остается загадкой, как А.А. Вознесенский мог совместить в себе и учебного, и администратора, и педагога. Казалось, что он работает круглосуточно, не зная ни сна, ни отдыха. Более того, представлялось, что он сам был увлечен каждым делом, с которым вы к нему обращались. Внимание, заинтересованность твоими делами, тобой как человеком, как членом большого коллектива, даже твоими научными замыслами. Все это действовало неотразимо на собеседников». М.П. Алексеев также писал, что на филфаке по инициативе А.А. Вознесенского был основан Филологический институт, открыты три новых отделения: испанское, скандинавское, славянское. Он считал, что в истории славистики мало отражен такой эпизод, как возрождение в конце 1940-х гг. международных конгрессов славистов, посвященных славяноведению как науке. Это было сделано при непосредственном участии Александра Алексеевича, который был поистине вдохновителем этого чрезвычайно полезного дела. Весной 1947 г. он был организатором создания Ленинградского отделения Всесоюзного общества «Знание», был его председателем⁶⁷.

С.И. Тюльпанов характеризовал совместное с А.А. Вознесенским преподавание политической экономии на Ленинских курсах при ЦК КПСС в 1940 г. При этом он писал, что «читать лекции после него было довольно трудно. И не только по политической экономии, но по другим социально-экономическим дисциплинам. Уровень его лекций по содержанию и по педагогическому мастерству был, в известной степени, катализатором повышенной интенсивности работы всего коллектива преподавателей над своими курсами. Это стихийно возникшее своеобразное соревнование осуществлялось без всяких формально зафиксированных обязательств. Оно весьма положительно сказалось на общем уровне преподавания на курсах»⁶⁸.

Что касается организационной деятельности А.А. Вознесенского, то о ней еще будет немало сказано в последующем изложении.

3. Создатель политико-экономического факультета, ректор университета

Следует отметить, что в 1918 г. юридические факультеты российских университетов, в рамках которых изучались не только правовые, но и экономические науки, достигшие к началу XX в. высокого уровня развития, были упразднены. Вместо них были созданы громоздкие и малоуправляемые ФОНы, целью которых была коренная перестройка преподавания всех общественных наук на основе марксизма. Летом 1925 г. ФОН ЛГУ был закрыт, его экономическое отделение было присоединено к экономическому факультету ЛПИ. Туда же перешли многие теоретики-экономисты, работавшие в ЛГУ. В университете остались лишь общеуниверситетские кафедры политической экономии и теории советского хозяйства. Они выполняли чисто идеологические, пропагандистские функции. К тому же их работники в ходе многочисленных кампаний 1930-х гг., направленных на борьбу с «врагами народа», нередко становились жертвами политических репрессий. В результате кадровый состав этих кафедр становился все более слабым.

В начале 1930-х гг., после провозглашения курса на развернутое наступление социализма по всему фронту в СССР существенно изменилась и политика в сферах образования и науки. Тогда бытовал лозунг «Науку необходимо «звинтить» в производство». На практике это приводило к дальнейшей деградации и атрофии фундаментальной теории во всех общественных науках, включая экономическую. Дело дошло до того, что в конце 1930-х гг. на кафедре политэкономии ЛГУ не было ни одного профессора и даже доцента, а среди 101 члена университетского ученого совета не было ни одного экономиста. В декабре 1939 г. студент пятого курса экономического отде-

ления исторического факультета ЛГУ Э.М. Юдовин писал, имея в виду старую общеуниверситетскую кафедру политэкономии: «Несколько больше года тому назад университетская кафедра политической экономии не была центром ни научной, ни методической работы. Ряд курсов читался на низком уровне. Студенты были недовольны постановкой преподавания политической экономии»⁶⁹. Подобная ситуация наблюдалась и в других университетах страны. В конечном счете курс политической экономии был временно снят с преподавания во всех вузах страны⁷⁰. В 1938 г. в СССР не хватало 300 преподавателей политэкономии и философии. В то же время к началу этого года по всей стране при кафедрах социально-экономических наук проходили подготовку всего семь аспирантов по политэкономии и 25 – по философии⁷¹.

Руководство партии, политика которой довела до подобного кризиса, обвинила в этом и других провалах системы высшего образования так называемых «врагов народа». К ним были причислены, в частности, назначенные совсем недавно, в мае 1936 г., председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И.И. Межлаук и его заместитель, видный экономист Ш.М. Дволайцкий⁷², а также многие директора вузов, в том числе и директор ЛГУ М.С. Лазуркин. Все они были расстреляны.

После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» партийное руководство страны ставит вопрос о необходимости резкого усиления идеологической работы. В резолюции Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР, состоявшегося в 1938 г., указывалось на необходимость «уделить особое внимание преподаванию социально-экономических дисциплин как одному из основных условий овладения большевизмом. Организовать подготовку и повышение квалификации преподавательских кадров по политэкономии, философии и ленинизму»⁷³. Таким образом, необходимость открытия политэкономических факультетов для подготовки преподавателей политэкономии обосновывалась потребностями идеологического характера. Задача ставилась так: «...советскому специалисту надо знать основы политэкономии <...> в такой же мере, как сопротивление материалов»⁷⁴. Интересно, что такое заявление было сделано на указанном совещании студентом Московского института коммунального строительства Д.М. Гальпериним.

После ликвидации ФОН в ЛГУ осталась только кафедра политической экономии, которая с 1934 г. входила в состав исторического факультета. Ее заведующим был профессор Плотников, репрессированный в 1937 г. Кафедра статистики была ликвидирована. В 1938 г. партком ЛГУ поставил вопрос о восстановлении и укреплении кафедры политэкономии. 7 февраля 1939 г. приказом по ЛГУ А.А. Вознесенский был назначен на ней профессором⁷⁵, а 15 июня 1939 г. и. о. заведующего⁷⁶. 17 июня 1940 г. приказом по ЛГУ приставка «и. о.» была снята⁷⁷. Надо отметить, что утверждение его на этом посту партийным бюро ЛГУ произошло только 21 ноября 1940 г.⁷⁸

В то же время по его инициативе в сентябре 1939 г. на историческом факультете ЛГУ было открыто экономическое отделение, на которое были зачислены более 100 студентов (не только с исторического, но и с других факультетов университета, например с географического). По этому поводу сами организаторы писали: «Только во втором семестре 1938/1939 учебного года по инициативе А.А. Вознесенского и группы студентов исторического факультета, перешедших из недолго существовавшего и имевшего экономический уклон ЛИФЛИ, было создано небольшое экономическое отделение <...> Заведующим отделением была проделана большая работа по подбору квалифицированных работников, а также по отбору действительно интересующихся экономической наукой студентов»⁷⁹.

В июне 1940 г. был издан приказ МВО о введении в вузах преподавания политэкономии и диалектического и исторического материализма⁸⁰. В начале 1941 г. в печати отмечалось: «Вопрос об экономической подготовке специалистов, выпускаемых высшими техническими учебными заведениями, становится одним из центральных в ра-

боте высшей школы»⁸¹. Нужно было срочно готовить преподавателей по этим дисциплинам. Вот почему в 1940 г. принимается решение об открытии политэкономических факультетов в ряде центральных университетов страны. Был издан приказ ВКВШ № 535 от 3 июля 1940 г.: «Открыть с 1 сентября 1940 г. при Ленинградском университете экономический факультет на базе существующего экономического отделения исторического факультета. Зам. председателя ВКВШ А. Жуков»⁸².

Первым деканом политико-экономического факультета ЛГУ был назначен А.А. Вознесенский с 1 августа 1940 г. в соответствии с приказом № 226 от 10 сентября 1940 г.⁸³ Факультет был открыт в составе трех курсов. Перед Александром Алексеевичем как первым деканом встает серьезнейшая задача – формирование костяка факультета – его профессорского корпуса, который всегда определяет его педагогический и научный потенциал, его авторитет. Эта задача была решена весьма успешно. Несомненно, немалую роль в этом сыграл субъективный фактор – личные качества А.А. Вознесенского, его незаурядный организаторский талант, энергия. Но немалое значение имел объективный фактор. К концу 1930-х гг. в Ленинграде почти не осталось квалифицированных теоретиков-экономистов: их воспроизводство, как уже отмечалось, было блокировано, а зрелые ученые либо оказывались жертвами бесконечных репрессий, либо постепенно вымирали. К руководству партийными организациями на разных уровнях приходят люди, плохо или совсем не ориентирующиеся в вопросах экономики, что порождало беспозышность и непростительные ошибки, за которые приходилось дорого платить. Руководство партии выдвигает в этих условиях лозунг резкого повышения уровня экономической подготовки партийных кадров, тем более что в соответствии с дополнениями к Уставу ВКП(б), принятыми в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), производственные партийные организации получили право контроля хозяйственной деятельности администрации. В своем докладе «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР» В.М. Молотов подверг критике тех руководителей, «которые считают ниже своего достоинства заглядывать в баланс, изучать отчетность, заботиться о хозяйственном расчете. С этой беззаботностью и экономической безграмотностью надо решительно покончить, как с антигосударственной и антибольшевистской практикой»⁸⁴. В мае 1940 г. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А.А. Кузнецов в своем отчете о работе горкома ВКП(б) заявил: «Нужно поставить вопрос, чтобы наши хозяйственные и партийные кадры овладели основами экономической науки»⁸⁵. Решительного поворота партийных организаций и хозяйственных руководителей к экономической стороне деятельности предприятий потребовала и состоявшаяся в мае 1940 г. IX областная и VII городская Ленинградская объединенная партконференция. В принятой резолюции указывалось: «Партийные, советские, хозяйственные и другие кадры должны постоянно расширять свои знания в различных областях общественно-политических наук»⁸⁶. Руководящие партийные работники были поставлены перед необходимостью существенного повышения уровня своей экономической подготовки. Немногие оставшиеся в живых старые экономисты, получившие образование еще в дореволюционной России или за границей, еще недавно гонимые властями, теперь привлекаются к чтению лекций для партийного актива всех уровней. Лекции для руководящих работников в 1940 г. читали, в частности, ленинградские профессора А.И. Буковецкий, В.В. Новожилов, А.И. Ротштейн.

В декабре 1940 г. в Коллегии НКП РСФСР состоялось обсуждение работы ЛГУ. Как отмечалось в отчете, «в прениях, развернувшихся по докладу директора ЛГУ П.В. Золотухина и содокладу зам. начальника Управления университетов НКП РСФСР Усачева, выступавшие (начальник Управления университетов Щеголев, зам. наркома Сергеенков, начальник Управления подготовки учителей Каблуковский, академики Байков, Мещанинов и др.) отметили ряд бесспорных достижений университета, в ча-

стности, восстановление гуманитарного образования (создание исторического, философского, экономического, филологического факультетов), пополнение ряда кафедр высококвалифицированными кадрами...»⁸⁷

В начале 1941 г. А.А. Кузнецов сообщил о том, что в этом направлении уже сделано много: «Проводится большая работа по ознакомлению руководящих партийных и хозяйственных работников с основами политической экономики, с экономикой социалистической промышленности»⁸⁸.

В.В. Ковалев писал, что «во втором семестре 1938/1939 учебного года по инициативе А.А. Вознесенского на основе группы студентов исторического факультета <...> было создано небольшое, первое в стране политико-экономическое отделение исторического факультета, которым он руководил. В 1940 г. на его базе, также по его инициативе был создан политико-экономический факультет, который он возглавил. На нем тогда функционировали две кафедры – политической экономики (заведующий профессор А.А. Вознесенский) и конкретных экономик (заведующий профессор Я.С. Розенфельд). В его структуре не было кафедры по финансовой проблематике. И отдельные вопросы финансов, денежного обращения, кредита и банков освещались в курсах политической экономики капитализма и истории экономической мысли»⁸⁹.

«Сам факт создания факультета политэкономии был крупным событием в деле окончательного оформления системы преподавания и научной работы в крупнейшем советском университете, которым является ленинградский. Создание в ряду университетских факультетов экономических – большое достижение в строительстве советских университетов вообще. Наш университет может гордиться тем, что был в числе пионеров этого важного шага в развитии системы преподавания и научной работы университетов. В самом деле, как можно представить себе систему советских университетов, строящих всю свою учебную, научную и воспитательную работу на основе определяющей роли единственно-научного мировоззрения – марксизма-ленинизма, если в этой системе не признается необходимейшей, органической частью <...> которую Ленин характеризовал как главное содержание марксизма». Подчеркивалось, что он является прямым продолжением недолго существовавшего в прошлом экономического отделения ФОН. «Хотя там преподавали профессора, далеко не всегда являвшиеся последовательными марксистами, обстановка тех лет позволяла подготовить кадры, которые явились костяком современного политико-экономического факультета, а также работают ныне на преподавательской и научной работе в других учебных заведениях страны. На экономическом отделении ФОН политической экономии руководил профессор Солнцев, считавший себя марксистом, неплохо знавший марксистскую литературу, сам испытывавший на себе значительное влияние так называемого “социального направления” буржуазной политической экономики. Надо отдать ему должное: в его кружках и семинарах проходили неплохую школу учащиеся того времени. Из других профессоров следует отметить И.М. Кулишера, видного ученого в области истории народного хозяйства, В.В. Святловского в качестве заведующего отделением, помогавшего студенчеству в борьбе за советское лицо отделения и освоение марксистской науки, А.В. Венедиктова (экономика и организация промышленности), А.И. Буковецкого (денежное обращение и кредит), лекции и семинары которых вооружали фактическим материалом, методикой научной и учебной работы»⁹⁰.

По этому поводу В.С. Торкановский писал в одной из своих статей об экономическом факультете ЛГУ, причем в разделе сборника, весьма остроумно названного «Оттепель в отдельно взятом вузе»: «Факультет создавался в годы, которые, бесспорно, были для нашей страны наиболее трудными. Только что прошла серия тяжелейших сталинских репрессий, уничтоживших лучших специалистов самых разных профессий, особенно тех, которые получили образование еще в дореволюционной России. Экономика не стала исключением. Более того, поскольку

эта наука была в то время сильно идеологизирована, она оказалась в числе наиболее пострадавших. Существовала очевидная опасность того, что отечественные экономисты в будущем станут не знатоками хозяйственных проблем, а всего лишь толкователями текстов классиков марксизма-ленинизма. Переломить складывающуюся тенденцию деградации отечественной науки было нелегко, но возможно. Попытку сделать это предприняли трое ленинградских экономистов, испытавших ранее репрессии на самих себе. Это были Александр Вознесенский, Сергей Тюльпанов и Виктор Рейхардт. Именно в этом тесном кружке зародилась идея создания экономического факультета университета. При этом непосредственным организатором стал Вознесенский⁹¹.

В.С. Торкановский считал, что это ему удалось сделать лишь благодаря определенному стечению обстоятельств. При этом основное значение имело то, что его младший брат – Николай Алексеевич Вознесенский, при поддержке А.А. Жданова буквально за несколько лет сделавший феноменальную карьеру, «вознесясь» к 1938 г. на пост председателя Госплана СССР, а на следующий год ставший заместителем председателя СНК. «Несмотря на то, что Александр Алексеевич был человеком иного типа, нежели Николай, склонный к научно-аналитической, а не к политической деятельности, и отношений между братьями практически никаких не было, однако фамилия Вознесенского позволяла в этот период добиваться того, чего не удалось бы простому смертному». Он подчеркивал, что А.А. Вознесенский создал факультет в качестве научного центра, а не идеологического, хотя, естественно, в те годы быть свободным от марксизма было невозможно, да и сам Александр Алексеевич к этому не стремился. «В результате первые выпуски факультета становились обладателями комплекса реальных знаний, а не набора оторванных от жизни догм. Однако любой либерализм в те годы, не мог быть устойчивым. Менее чем через 10 лет все резко изменилось к худшему <...> Прервалась связь поколений, нарушены были лучшие университетские традиции».

В другой своей статье В.С. Торкановский отмечал, что в конце 1930-х гг. из-за недостатка кадров нельзя было обходиться в преподавании экономических дисциплин одними профессорами-коммунистами. Поэтому А.А. Вознесенский привлек преподавателей из числа старой интеллигенции, хорошо знавшей свой предмет. Так что в тот момент в этом не было ничего героического, как пишут некоторые. Другое дело, что он сумел их сплотить в единый коллектив⁹². Однако все же опасность неблагоприятных последствий от такого шага им, наверное, в какой-то мере все же ощущалась. Но главным для него, как всегда, было дело. В мае 1941 г. прошла 1-я конференция коммунистов ЛГУ и его избрали в партбюро⁹³. И это, казалось, не могло не укрепить его позиции. Но, к сожалению, это только так казалось.

Из отчета о деятельности кафедры политической экономики, руководимой А.А. Вознесенским, видно, что в 1940 г. ее сотрудники разрабатывали такие проблемы: «Развитие ленинской теории империализма» (А.А. Вознесенский), «Проблемы докапиталистических формаций» (В.В. Рейхардт), «Против буржуазной апологетики в теории национального дохода» (А.А. Пальцев), «О распределении доходов и богатств в современной Англии» (М.В. Рутбард), «Особенности экспорта капитала в различного типа страны» (М.Ю. Бортник), «Социально-экономические воззрения Ш. Фурье» (Е.М. Виленина), «Стахановское движение и переход к коммунизму» (М.Б. Гинзбург), «Производительные силы и производственные отношения в СССР» (совместно с кафедрой марксизма-ленинизма). В годы Великой Отечественной войны кафедрой разрабатывались такие проблемы: «Война и социалистическое хозяйство» (В.В. Рейхардт), «Опыт работы зарубежных предприятий в условиях войны» (Я.С. Розенфельд)⁹⁴. В.С. Торкановский писал: «К июню 1941 г. факультет политической экономики набрал уже большую силу. Шли занятия на четырех курсах, всего обучалось более 200 студентов, много аспирантов. К чтению лекций стали при-

влекаться молодые ученые, среди них А.Г. Милейковский, Е.Д. Каганов, А.А. Пальцев и другие. Приближалось время, когда молодая поросль политэкономов должна была выступить со своими научными исследованиями, начало которым было уже положено. Настроение на факультете было оптимистическое, в коллективе существовало полное морально-политическое единство, все были уверены в том, что тяжелые испытания, которые советская общественная наука претерпела в 1930-е годы, не повторятся»⁹⁵.

Как писала Л.Л. Эльяшова, «впоследствии, став опытным лектором, я особенно ясно поняла природу мастерства Александра Алексеевича. Он умел показать логику теоретически открытий так, что мы чувствовали себя причастными к этим открытиям и уходили с лекции в радостном, приподнятом настроении. Теоретические положения на этих лекциях не оставались абстракцией, они объясняли жгучие вопросы современности». Немало студентов Вознесенского полюбили политическую экономию, кто-то полюбил ее пожизненно. Люся Рыжикова, Таня Пьянова и я перешли на политико-экономический факультет (с исторического. – В.Г.). Даже дополнительная сдача многих экзаменов не утратила нас. И, должна признаться, что, став преподавателем, старалась читать лекции так, как читал их профессор Вознесенский. Его давно не было в живых, но то, чем он награждал нас, своих учеников, продолжало жить»⁹⁶.

С.М. Фирсова говорила о нем: «Александр Алексеевич был человеком исключительного обаяния. Стройный, красивый, скромно и со вкусом одетый, с добрыми глазами и приветливой улыбкой, он всегда был готов помочь в работе, делах, беде. Это притягивало к нему людей разного возраста и положения – от сотрудников кафедры политической экономии ЛГУ, которой он заведовал с 1939 по 1948 г., до студентов». Она отмечала, что с началом войны он был назначен ректором ЛГУ. Действительно это произошло в соответствии с приказом наркома просвещения РСФСР № 750 от 11 июля 1941 г. Кто его рекомендовал на этот пост, трудно сказать, возможно, А.А. Жданов. Естественно, что экономическому факультету он смог уделять меньше внимания, но оставался заведующим кафедрой политической экономии и читал курс лекций. В 1947 г. по его инициативе при политико-экономическом факультете был создан НИИ ЭФП. В самом начале первого военного учебного года он говорил: «Честь и достоинство нашего Университета и его ведущая роль среди ленинградских вузов обязывает держать высоко знамя Университета, и работать в настоящей сложной обстановке, не допуская никаких проявлений либерализма в оценке знаний студентов, не делать скидки на трудности»⁹⁷. Обратим внимание, что о ведущей роли ЛГУ он говорил с первых дней своего ректорства, правда, пока только в пределах Ленинграда.

С.М. Фирсова также писала: «Недюжинные организаторские способности Александра Алексеевича, его активность, большое чувство ответственности ярко проявились на должности ректора. Он был вездесущим и вникал во все важнейшие вопросы, стоявшие перед университетом, и в то же время оставался демократичным руководителем, доступным для любого сотрудника, любого студента. Если возникали трудности, которые, казалось, мог решить только ректор, студент записывался к нему на прием в уверенности, что в назначенный день он будет принят и в случае необходимости ему помогут. Из этого вовсе не следует, что А.А. Вознесенский был таким «добрым дядюшкой». Он был очень строгим и требовательным руководителем. Но все знали — он строг и справедлив. И к нему шли безбоязненно, веря, что истина и человечность для него важнее всего»⁹⁸.

Профессор Н.М. Валынкин отмечал, что «встреча и совместная работа с такими людьми, каким был А.А. Вознесенский, не проходит бесследно. Она помогает в дальнейшей работе и жизни. В последующие десятилетия, каждый, с кем я учился и трудился в то время, когда он был ректором, подчеркивал, что работать с ним было нелегко, но интересно и поучительно»⁹⁹.

О.С. Иоффе, ставший известным знатоком гражданского права, писал, что, когда он поступил на юридический факультет ЛГУ в 1938 г., читавшие им разные курсы лекторы производили удручающее впечатление, кроме И.И. Яковкина и Крыльцова. «Однако произошел ошеломляющий перелом, когда на кафедру взшел для преподавания политической экономии профессор Вознесенский. Прочно скроенный и крепко сшитый, всегда в отглаженном черном костюме и белой рубашке с галстуком, он уже своим видом производил убедительное впечатление. Когда же бурным потоком полилась его стройная, безукоризненно грамотная речь, он мог делать с аудиторией все, что считал нужным. Александр Алексеевич строил свои лекции на началах абсолютной логики, ни одного лишнего слова, посылка за посылкой, вывод за выводом, он вел слушателей от одного тезиса к другому, давая для отдыха великолепные отступления, во время которых удавалось оторваться от конспектирования и с наслаждением слушать увлекательные попутные пассажи. Но это продолжалось недолго. Как только исчезла улыбка с лица и улыбочивый голос сменялся серьезным звучанием, студенческие руки начинали вновь двигаться для важнейших записей, не пропуская ни одного слова, без которого все то, что так хорошо усваивалось, вдруг ускользало от слушателей из-за разрыва стройных логических связей. Тут вы впервые начинали если не понимать, то чувствовать, что такое гуманитарная наука, и вам самому хотелось стать ученым, если не таким, как Вознесенский (при любом сомнении мысль эта казалась дерзкой), то, по крайней мере, по преподаваемому им образцу. С большой горечью узнал я в конце сороковых – начале пятидесятых годов о тяжелой участи Вознесенского, который был арестован и погиб в застенках КГБ <...> Тот, кто его слушал, мог свободно читать и перечитывать Маркса. Я это делал с «Капиталом» пять раз: общее ознакомление при первом чтении, при втором – углубленное знакомство с тем же трудом, при третьем – сосредоточение на примечаниях автора, могущих служить самостоятельным, остроумным, полным иронии произведением, при четвертом и пятом – тщательное конспектирование читаемого и перечитываемого. Как ни относиться к Марксу, считать ли, что его теория явилась переходом от утопии к науке или от утопии к утопии, марксово учение об экономике капитализма перенасыщено подлинно научным анализом. А социализма он касался лишь косвенно, как писал Ленин, и поэтому оказался здесь свободным от утопии»¹⁰⁰.

Профессор С.С. Кузнецов вспоминал А.А. Вознесенского после назначения его ректором университета: «Это был мужественный, энергичный, живой, работающий человек, влюбленный в университет, в котором он получил образование и остался на научно-преподавательской работе. В те довоенные времена вознаграждение научно-преподавательских кадров было весьма скромно. Теперь можно сказать, что, вероятно, это было хорошо, так как в науку и преподавание шли люди, если так можно сказать, одержимые, увлеченные этими профессиями. Они не искали никаких материальных благ и были счастливы, что им удалось остаться в университете для овладения наукой и преподавательским мастерством. Таким и был профессор А.А. Вознесенский, что он особенно обнаружил в годы войны»¹⁰¹.

Следует отметить, что непосредственно перед началом Великой Отечественной войны – 30 апреля 1941 г. – из ЛГУ было направлено в Министерство просвещения Эстонской республики письмо, в котором сообщалось о положительном решении в связи с их просьбой направить лекторов для чтения лекций по отдельным курсам. Среди профессоров, которые могут быть для этого направлены в сентябре текущего года, указан А.А. Вознесенский, который может прочесть лекции по следующим темам: 1. Закономерности социалистического воспроизводства. 2. Общий кризис капитализма и Вторая мировая война. 3. Социализм и коммунизм. 4. Значение «Капитала» Маркса¹⁰².

4. Начало Великой Отечественной войны, блокада Ленинграда и эвакуация в Саратов

Начало войны круто изменила жизнь А.А. Вознесенского. В приказе наркома просвещения РСФСР № 750-л от 11 июля 1941 г. говорилось: «1. Назначить тов. Вознесенского Александра Алексеевича ректором Ленинградского государственного университета. 2. Тов. А.М. Комарову приступить к работе проректора»¹⁰³. В приказе по ЛГУ № 372 от 18 июля 1941 г. было указано, что ректором он назначается с 3 июля 1941 г. с выплатой ему дополнительно 50 % оклада заведующего кафедрой политической экономии¹⁰⁴. Вскоре он был назначен начальником местной противовоздушной обороны ЛГУ.

Общую обстановку первых месяцев войны наиболее полно характеризует В.С. Торкановский: «План срочных мероприятий, необходимых в случае войны, не был полностью отработан. Ректору приходилось самому решать многие сложные задачи, связанные с ее началом. Стало ясно, что Александр Алексеевич Вознесенский не только ученый-теоретик, но и человек, способный к решительным действиям. Вскоре началась мобилизация студентов и сотрудников ЛГУ в армию и на трудовые работы. В эти дни я ректора не видел, но все мы знали: в университете есть лидер, вокруг которого сплочен наш коллектив. Этому лидеру можно было верить, он беспредельно предан общему делу, является мудрой и светлой личностью. Каждого он напутствует на большой труд, с каждого строго спрашивает за результаты работы, каждого поймет <...> Главное — он сам среди нас, все делит с нами, никакие личные чувства его не одолевают. Он вселял неистощимую веру во всех. Все службы университета работали четко. Бережно сохранялись бесценные культурные сокровища. Создавались стационары для лечения ослабевших преподавателей и студентов. Коллектив ученых продолжал свои исследования, читал в осажденном городе лекции, проникнутые патриотизмом, уверенностью в нашей победе. Александр Алексеевич, похудевший, горевший внутренним неистребимым огнем, был повсюду. Он провожал нас в армию, посещал госпитали, добывал хлеб и дрова для ученых и студентов. Стена его кабинета, выходящая в коридор, была теплее других, люди старались постоять возле нее. Несколько раз в день ректор выходил из кабинета и молча, жестом, приглашал их зайти и обогреться»¹⁰⁵.

Как вспоминал В.И. Демин, «в первые дни войны студентов направляли рыть окопы на Карельском перешейке. Шли строем на Финляндский вокзал. Впереди был профессор А.А. Вознесенский. На привокзальной площади он выступил с напутственной речью. Он, в частности, сказал: «Друзья учтите, что войну наш народ ведет не против капитализма вообще, а только с германским фашизмом»»¹⁰⁶.

Л.Л. Эльяшова вспоминала: «Любили мы А.А. Вознесенского не только как профессора, но и как ректора. В самое мрачное время, когда «падал ленинградец на желтый снег пустынных площадей» (О. Берггольц), студенты университета не чувствовали себя забытыми в промерзших зданиях и общежитиях. Из комнаты в комнату несло: «Вознесенский приходил к нам в общежитие, расспрашивал. Бодрый, белый воротничок»; «У нас в лаборатории был ректор»; «Ректор говорил, что в главном здании скоро будет кипяток». И действительно, вскоре мы могли выпить кружку драгоценного кипятку, согреться. В конце ноября 1941 г. фугасной бомбой был взорван флигель нашего общежития на 5-й линии Васильевского острова, 66. Много народу погибло, день и ночь шло спасение заваленных обломками. Вдруг узнаем: ночью приезжал Вознесенский, разговаривал с теми, кого спасли, укрывал их одеялами. Как-то само собой к имени нашего ректора стали добавлять слово «папа». «Папа Вознесенский переводит нас на филологический факультет!» – разнеслась однажды весть. Это было спасение. В нашем общежитии царили холод и мрак — ледяные батареи, фанера на окнах, а на филфаке — печи, светлые аудитории. «Папа» распорядился топить печи мебелью, и мы получили бла-

годатное тепло. «Папа Вознесенский нас эвакуирует, он добьется, он спасет нас». И он добивался всего, чего можно было добиться; спасал тех, кого можно было спасти, – студентов, профессоров, сотрудников, университет»¹⁰⁷.

Из студентов и преподавателей создавались партизанские отряды. Комиссар одного из них – М.Д. Смолкин – писал: «Хочется отметить то внимание и заботу, которое проявил к нашему отряду [партизанскому] ректор университета А.А. Вознесенский. Тогда с питанием было трудно, но он постарался обеспечить нам питание, остающиеся студенты-комсомольцы окружили нас уходом. И вскоре мы готовы были двинуться [в новый партизанский поход]»¹⁰⁸. По свидетельству очевидцев, Александр Алексеевич много сделал для спасения студентов и сотрудников ЛГУ в период блокады города путем организации стационаров для ослабевших и больных.

Л.Л. Эльяшова писала: «Массовая эвакуация ленинградцев через Ладожское озеро началась 22 января 1942 г., главным образом в сторону Кавказа, куда вскоре вторглись немцы. Насколько мне известно, нас от этой участи спасло то, что наш ректор А.А. Вознесенский добился разрешения на эвакуацию ЛГУ на базу Саратовского университета, объясняя, что мы едем не отдыхать, а работать. Мы оказались первыми блокадниками, прибывшими в Саратов в марте 1942 г.»¹⁰⁹. Как пишет В.Н. Семенов, «15 февраля 1942 г. железнодорожный состав с эвакуированными прибыл в наш город, где их встречали как героев и сделали все возможное для размещения людей, их питания, адаптации к местным условиям. Уже через 10 дней после приезда и студенты, и преподаватели прибывшего Университета приступили к занятиям...»¹¹⁰ Л.Л. Эльяшова согласилась с указанным описанием встречи, но утверждала, что первый эшелон прибыл 11 марта и до конца месяца прибывшие приходили в чувство после всего пережитого.

По некоторым косвенным признакам можно сделать предположение, что А.А. Вознесенский ставил перед властями Ленинграда вопрос об эвакуации университета еще в сентябре 1941 г., до установления полной блокады города. Это когда вывозили его детей со второй женой. Но ему это власти не разрешили, как считается, из-за боязни возникновения паники среди населения. Сам Александр Алексеевич, проводив последний эшелон с коллективом ЛГУ 3 марта 1942 г.¹¹¹, прибыл в Саратов самолетом и встречал там первый из них.

1 апреля 1942 г. А.А. Вознесенский сообщил председателю ВКВШ С.В. Кафтанову о том, что университет после перерыва возобновил в Саратове свою учебную и научную работу¹¹². Также писал ему, что на первом заседании ученого совета университета в эвакуации 13 апреля были заслушаны доклады о научной работе в 1942 г. и об учебной работе во 2-м семестре 1941/1942 учебного года¹¹³. Отметим, что по состоянию на 14 мая 1942 г. в ЛГУ был 391 студент, в том числе на политико-экономическом факультете – 9, из них на 2-м курсе – 3 и на 5-м – 6¹¹⁴. На 1 августа 1942 г. на этом факультете было 15 студентов, в том числе на 2-м курсе – 2, на 3-м курсе – 5 и на 5-м курсе – 8 при общей численности студентов университета 421 человек¹¹⁵. В составе ученого совета ЛГУ было два представителя факультета: декан доцент В.В. Рейхардт и профессор кафедры политической экономики Я.С. Розенфельд¹¹⁶. Тогда из Москвы рекомендовали на политико-экономическом факультете иметь три специализации: 1. Теория политической экономики. 2. Теория статистики. 3. Проблемы синтетического народно-хозяйственного планирования. Правда, В.В. Рейхардт в тот момент выступал против последней специализации¹¹⁷. Но, видимо, потом согласился.

В.Н. Семенов писал, что особенно сложная обстановка сложилась в Саратове во время Сталинградской битвы, когда город считался прифронтовым, был наводнен войсками, ранеными. «Но Александр Алексеевич был сильной личностью и умел работать в экстремальных условиях, проводя в ректорском кабинете все рабочее время и часто – сверх того <...> В общем, с ректорскими обя-

занностями А.А. Вознесенский справлялся. Никаких чрезвычайных событий, связанных с недосмотром или упущением ректората, не отмечено, что можно считать заслугой приезжего ректора, быстро разобравшегося в обстановке и выработавшего рациональный курс, коим в течение двух лет следовал университетский корабль, благополучно минуя «мели и рифы» военного времени <...> Кроме ректорских обязанностей, он в качестве профессора читал студентам курс политической экономии, и делал это успешно, ибо предмет знал отлично и обладал талантом лектора»¹¹⁸.

А.А. Вознесенский телеграфировал в Москву о том, что на соревновании 14-ти вузов Саратова ЛГУ занял первое место, а Саратовский университет – четвертое¹¹⁹. Сообщал о том, что 15 июня 1943 г. закончилась научная сессия по истории русской науки, во время которой заслушали 26 докладов. Сам он делал доклад на тему «Ленин и Сталин великие корифеи науки». «Сессия показала величие русской науки и ее громадную роль в создании мировой культуры»¹²⁰. И находясь в эвакуации, он не забывал сотрудников ЛГУ, оставшихся в блокированном городе, о чем свидетельствует следующий документ: «Телеграмма Ленгорисполком. Заместителю председателя Федоровой. Из Саратова 15 апреля 1943 г. Убедительно прошу оказать содействие улучшению продовольственного положения библиотечарей Ленинградского университета. Ректор А.А. Вознесенский»¹²¹.

Даже в это суровое время он не забыл поздравить академика Е.В. Тарле с полученной им «высокой правительственной наградой»¹²². Поздравлял и Д.Д. Шостаковича, послав телеграмму: «Дорогой Дмитрий Дмитриевич, профессор, преподаватель, студенты и служащие Ленинградского университета прослушав 7-ю симфонию приветствуют вас, одного из замечательных сынов нашей родины, благодарят вас за ваше бессмертное творение, воплощающее в звуках мысли и чувства советского народа, и желают вам творческих успехов на многие годы»¹²³. Телеграфировал Сталину о том, что коллектив ЛГУ собрал средства на постройку самолета и на вооружения для Красной армии¹²⁴, получив в ответ его благодарность¹²⁵. Заботясь о питании сотрудников и студентов университета, 14 мая 1942 г. просил заместителя Наркомторга Захарова о предоставлении специальных нарядов на получение в Саратове 1,5 т муки, 200 кг сахара, 6000 яиц¹²⁶, просит разрешения взять 15 голов крупного рогатого скота для подсобного хозяйства университета¹²⁷.

Он стремился к тому, чтобы в эвакуации не терять связь с руководителями Ленинграда, напоминать об университете. Так, он послал 23 июля 1943 г. телеграмму: «Секретарю ЦК ВКП(б), Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Жданову, [второму] секретарю Ленинградского обкома и горкома А.А. Кузнецову, Предисполкома Ленгорсовета П.С. Попкову. Мы, в Саратове, делаем все для победы. По итогам соревнования саратовских вузов в 1 семестре 1942/1943 учебного года ЛГУ вручили Красное знамя. На днях производится выпуск студентов авиационной специальности. Ректор ЛГУ Вознесенский, секретарь партбюро Легкий, секретарь комитета ВЛКСМ Фишман, председатель месткома Вайнштаб, председатель профкома Прупис [Фирсова]»¹²⁸.

Видимо, этой же цели – напоминания о роли и значении университета – служила и составленная в июне 1943 г. за его подписью «Справка о работе Ленинградского университета за пять лет (1938/1939 – 1942/1943 учебные годы)». В ней указывалось, что за это время выпущено 3250 научных и научно-популярных работ, из них 350 в период Отечественной войны. В это число входят 185 учебников и учебных пособий для высшей школы, о необходимости содействия выпуску которых говорил т. Молотов. Подчеркивалось, что, несмотря на тяжелые условия работы в блокированном Ленинграде, эвакуацию и устройство на новом месте, научная деятельность университета не была остановлена. «Показателем этого является наличие в настоящее время в портфеле университета 130 годовых к печати научных работ, из них 10 крупных учебни-

ков для вузов и свыше 30 больших монографий. За 1942/1943 учебный год выполнено 164 темы (кроме сведений по филиалу ЛГУ в Елабуге)». Отмечалось, что показателем напряженной научной жизни университета за последние пять лет является обилие и разнообразие проводимых научных собраний и конференций, на которых заслушано 434 доклада <...> 12 научных сотрудников университета удостоены высшей награды – премии имени т. Сталина. «За последние годы, в особенности в период войны, осуществлен решительный поворот в тематике научно-исследовательской работы к запросам жизни, практики, нуждам обороны. В то же время, отнюдь не отказываясь от научной разработки теоретических проблем, имеющих, в конечном счете, практическую ориентировку».

Писали также, что за пять лет выпущено 4800 высококвалифицированных специалистов, из них 1700 в период войны, 615 аспирантов, из них 115 в годы войны. Проведено 450 защит диссертаций на звание кандидатов наук, из них 250 – работниками и сотрудниками ЛГУ. Научно-пропагандистская работа получила особенное развитие в годы войны. За время блокады опубликовано 50 популярных брошюр, прочитано 700 лекций в частях РККА, в госпиталях, на оборонных предприятиях. После прибытия в Саратов напечатано 30 популярных брошюр, создан лекторий, в котором проведено 600 лекций, обслужено 120 000 человек. Всего в Саратове и области работниками университета прочитано за год свыше 3000 лекций и докладов. И в конце этой «Справки» говорилось: «Из приведенных выше кратких данных видно, что Ленинградский университет прилагал за истекшие пять лет все силы для осуществления на практике исторических указаний т. Сталина, данных на приеме работников высшей школы в Москве в мае 1938 г. Ленинградский университет стремится и в дальнейшем идти по тому же пути, вкладывая свою долю участия в историческое дело разгрома ненавистного врага – немецко-фашистских захватчиков»¹²⁹.

Символично, что в эвакуации, в преддверии празднования 125-летия ЛГУ, на ученом совете и вне его начинается дискуссия об особой миссии этого университета, о путях ее реализации, инициатором которой стал А.А. Вознесенский. Стилистика этого обсуждения в какой-то степени напоминает известные дискуссии в печати в 1860-х гг., породившие университетскую автономию. «Это было проявление освобождения духа, опаленного войной и теми испытаниями, которые пережил ЛГУ и его питомцы»¹³⁰. Он прилагал усилия к тому, чтобы в тех суровых условиях войны отметить эту годовщину. Стремился к тому, чтобы использовать это событие в интересах его преподавателей и студентов, что видно из следующего документа, отправленного 22 мая 1943 г.: «Секретарю Ленгоркома ВКП(б) Кузнецову А.А., Предисполкома Ленгорсовета Попкову П.С. В феврале 1944 г. исполняется 125 лет ЛГУ. Университет продолжает работать в Саратове. Эвакуировано в марте 1942 г. студентов 400, преподавателей и научных работников 138. По приезде в Ленинград сможем развернуть работу немедленно. Ставлю вопрос перед ЦК партии и Правительством о восстановлении восточного факультета, составлявшего когда-то гордость Петербургского университета. Договорился с Комитетом по делам высшей школы об открытии при приезде в Ленинград юридического факультета. По нашей инициативе в ЦК и перед правительственными органами поставлен вопрос о реформе университета с целью поднять его роль и значение в развитии науки и культуры советской страны. В связи с этим разработан проект нового устава ЛГУ. За реализацию этого устава весь коллектив будет дружно бороться. И если этот устав мы – с неперемной помощью ленинградских организаций – проведем в жизнь, смею заверить Вас: Ленинград будет гордиться своим университетом. К 125-летию университета (в феврале следующего года) мы готовим: а) книгу в 12–15 печатных листов по истории университета; б) большую научную сессию; в) статьи в заграничной и советской прессе и ряд других мероприятий. В связи с юбилеем университета обращаемся к Вам со следующими просьбами: 1. Поддер-

жать перед ЦК и Правительством наше ходатайство, чтобы 125-летие ЛГУ было отмечено официально. 2. Поставить перед правительством вопрос о награждении университета орденом (Честное слово, ЛГУ работал и работает не хуже Московского университета, которому незадолго до войны дали орден Ленина). Награждение ЛГУ орденом, – помимо того, что университет заслужил это, – в серьезнейшей степени способствовало бы развешиванию его работы. 3. Поддержать представление университета о награждении отдельных его работников. 4. Если возможно, то дать указание о напечатании в Ленинграде в течение декабря месяца книги, посвященной истории университета. 5. Было бы важно, и это вызвало бы огромный подъем работы университета, если бы Вы теперь приняли решение о награждении медалями «За оборону Ленинграда» тех его работников, которые имеют на это право и заслужили эту великую честь (материалы давно представлены и находятся в Ленинграде). 6. Убедительно прошу командировать в феврале в Саратов (если мы к тому времени не будем в Ленинграде) представителя Ленгоркома и Ленсовета. Очень прошу Вас, Алексей Александрович и Петр Сергеевич, информировать о предстоящем юбилее Андрея Александровича [Жданова]. Мне было бы крайне важно знать, найдете ли Вы возможным пойти навстречу просьбам, изложенным в настоящем письме. Уважающий Вас А. Вознесенский»¹³¹.

Видимо, большая часть предложений руководства ЛГУ нашла поддержку в Москве. Об этом свидетельствуют выдержки из воспоминаний ряда лиц. Так, В.А. Качаева пишет: «...Он пришел (как всегда – энергичный, подтянутый, доброжелательный, красивый) и стал нам рассказывать, чего ему удалось добиться в этот раз в Москве <...> Сказал, что есть решение наградить университет к юбилею орденом Ленина. Мы все зашумели, зааплодировали. Он не останавливался, радовался вместе с нами. Сказал, что состоится торжественный акт и научная сессия, посвященные 125-летию университета. Но что не исключено, что сессия будет перенесена по срокам и состоится по возвращении в Ленинград»¹³². В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне Ленинграда группа научных работников, студентов, аспирантов и служащих ЛГУ была награждена медалями «За оборону Ленинграда». Среди них были А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт и Я.С. Розенфельд. Торжественное вручение этих медалей состоялось 21 октября 1944 г. в Ленинграде¹³³.

В.Г. Березина вспоминала: «В Саратове ЛГУ пережил радостное событие – награждение его орденом Ленина в связи с 125-летием. 24 февраля 1944 г. в Театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею университета и вручению ему высокой правительственной награды, награждению профессоров, преподавателей и сотрудников... Это особенно убедительно прозвучало в передовой статье [газета «Ленинградский университет»] ректора профессора А.А. Вознесенского»¹³⁴. В честь этого события были в исключительно скромном виде изданы тезисы докладов, в том числе к выступлениям четырех представителей политико-экономического факультета: М.Ю. Бортника, Л.В. Некраша, В.В. Рейхардта и С.Я. Розенфельда¹³⁵.

Весьма интересен был доклад А.А. Вознесенского 25 марта 1943 г. на ученом совете ЛГУ «О задачах, характере и перспективах университетского образования». В нем указывалось, что в руководящих учреждениях поставлен вопрос об университетах. Обосновывалось положение о том, что университеты должны занять более высокое место в системе образования, стать научно-учебными учреждениями. Студент уже на студенческой скамье должен участвовать в научном поиске. Ведущим профессорам должна быть предоставлена возможность подбора кадров по их усмотрению и, прежде всего, кадров аспирантов. «Одной из важнейших характеристик университета является наличие в его составе научных школ и научных направлений». Выступавшие высказывали мнение о том, что Академия наук гипертрофирована, что на-

личие в ее составе отдельных институтов не может по эффективности сравниться с университетами, в которых имеется комплекс наук, которые могут взаимодействовать в научном поиске. Поэтому научные учреждения не надо отрывать от университетов¹³⁶.

Можно полагать, что эти или подобные идеи А.А. Вознесенский развивал и в дальнейшем. Вероятно, они были встречены в академических кругах, мягко говоря, без восторга, что в последующем могло отрицательно сказаться на его судьбе. Здесь он, несомненно, вступил на путь, как говорят, опасный, как военная тропа. Правда, тогда явного противопоставления ЛГУ Московскому университету, конечно в пользу первого замечено, вроде не было. Хотя, как сказать, иногда это уже как бы проскальзывало.

В определенной мере некоторые, скажем так, прогрессивные устремления А.А. Вознесенского проявились в его докладе в 1943 г. на расширенном заседании ученого совета, когда рассматривался вопрос о ломоносовских традициях в развитии университетского образования. Отмечен был доклад А.А. Вознесенского, в котором «были воссозданы замечательные черты этого образования в Петербурге в XVIII веке: демократизм, связанный с тем, что властям не удалось “одворнать” университет, глубокая связь с практикой. Говорил он и о традиционной связи университета с Академией наук»¹³⁷.

Его высокие деловые качества как ректора отмечали многие бывшие студенты. Например, С.С. Кузнецов и В.И. Горелова писали: «В презимье ректор А.А. Вознесенский попросил меня собрать студентов для разгрузки дров. Гортоп уведомил, что приплыли четыре баржи с дровами. Из них одна выделена ЛГУ. Ректор был ходовой, деятельный человек. За короткое время установил самое благожелательное отношение с местным начальством. Возможно, это облегчалось и положением его младшего брата»¹³⁸.

Александр Алексеевич пользовался любовью и уважением студентов и сотрудников, о чем говорил профессор Ю.И. Полянский: «Александр Алексеевич трудился не только много, но и в высшей степени организованно и целеустремленно. Бесспорно, он обладал недюжинным административным талантом. Своим энтузиазмом, любовью к университету он заражал сотрудников, работавших с ним. Он был добрым человеком, но тем из них, кто не выполнял его указаний, не было пощады. Он постоянно работал, и я неоднократно задавал себе вопрос: “А когда же ректор отдыхает, сколько времени он отводит на сон?”»

Л.Л. Эльяшова вспоминала: «В октябре 1942 г. у нас, историков третьего курса, учебный год начинался с новой лекции – неизвестной политэкономии. Мы сидим в нарядной аудитории Саратовского университета и ждем профессора Вознесенского. Ректора Вознесенского мы хорошо узнали и полюбили за время войны, но как-то он читает лекции? И вот он вошел, как всегда, подтянутый в темном костюме, белоснежной рубашке с галстуком. Молодой, красивый, но совершенно седой. (Говорили, это след 1937 года.) Казалось, что его светлые глаза смотрят прямо на тебя, строго и дружелюбно. И началось необыкновенное. Лектор нам поверял крайне важные, сложные и интересные мысли об основах жизни человеческого общества. Не надо ничего запоминать, но очень хочется, необходимо все понять, постигнуть. И мы напряженно слушаем, боясь пропустить хоть слово. За свою долгую жизнь я слышала очень много лекций, в том числе и прекрасных, но более захватывающих, чем лекции профессора Вознесенского, не встречалось. Раскрасневшиеся, с блестящими глазами, мы удивленно переглядывались уже на лекции, а после нее некоторые из нас поняли, что именно эта наука – его. Я одной из первых перешла на экономический факультет, не испугавшись даже дополнительной сдачи нескольких экзаменов. И потом стойко переносила ироничное приветствие декана истфака Мавродина: “Здравствуй, ренегат”. Археологов он с истфака все же не отпускал. Наш университет в Саратове стал немногочисленным и на 3-м курсе политико-экономического факультета училось пять девочек. А нам читали лекции и вели семинары семь профессоров, в том числе с мировым именем»¹³⁹.

С.М. Фирсова писала, что А.А. Вознесенский был главным ее учителем, воздействие яркой личности которого она испытывала всю жизнь. «Нравственные и этические его позиции, его поведение в труднейшие, трагические периоды жизни были для меня образцом. Я часто соотносила свои поступки с тем, как бы поступил в аналогичных ситуациях Александр Алексеевич. Иногда я ловлю себя на мысли, что проецирую его возможные оценки на себе. Это был человек исключительного обаяния, по-настоящему демократический. Лекции его по политэкономии были для студентов праздником. Интересно было следить за развитием мысли лектора. Захватывала открывающаяся возможность понять стройную экономическую теорию Маркса. Он приучал студентов к самоуправлению. Особенно проявились его организаторские способности в годы войны, в эвакуации. Я была в 1942–1943 гг. председателем студенческого профкома ЛГУ и поэтому особенно близко наблюдала А.А. Вознесенского в работе, его стиль, его отношение к людям»¹⁴⁰.

И еще из воспоминаний Л.Л. Эльяшовой: «К сожалению, нашего лектора часто отвлекали административные, общественные дела. Он [в Саратове] был ректором двух университетов, вице-председателем Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, что требовало не только внимания, но и отъездов в другие города. И хоть был наш лектор чудом организованности, работоспособности, энергии, немало его лекций заменялось. Помню в Саратове дискуссию о сущности советских денег. Страсти разгорелись, и решили узнать мнение Александра Алексеевича. Его вытащили из кабинета, усталого (дело было поздно вечером). Как ото сна отряхнулся он от своих ректорских дел, выслушал разные мнения и тут же высказал свое. Оно было блестяще методологически, убедительно. Наш ректор был идеальным администратором: требовательным, строгим, но неизменно внимательным и дружелюбным. Дружелюбным был и сам дух университета военной и послевоенной поры. Ощущалось университетское братство, чему способствовал наш ректор...»

И далее: «Возвращаясь в Саратов из командировки, ректор обычно собирал всех сотрудников и студентов, делился результатами своей поездки, доверительно говорил о наших перспективах, трудностях, как бы советовался со всеми. Помню, как в начале 1944 г., вскоре после снятия блокады, он вернулся из Ленинграда и радостно рассказывал о планах возвращения в родной город. Высказал мысль о самостоятельном восстановлении университетских зданий, об организации курсов маляров, штукатуров, стекольщиков. Хорошо помню, как он высмеял тех немногих, кто боялся возвращения в Ленинград потому, как говорил он, что в Саратове больше пшеницы. Мы дружно смеялись, предвкушая радость возвращения»¹⁴¹.

«До общей эвакуации ректор направил в Ленинград энергичных людей, способных организовать подготовку общежитий к приезду студентов и освободить квартиры наших преподавателей, занятые другими людьми. Среди “первопроходцев” оказалась Соня Прупис (Фирсова) и доцент Косачевская <...> Мы разместились в общежитии на проспекте Добролюбова, у самой Невы. И, самое удивительное, – в чистеньком, только что отремонтированном общежитии. Не зря “папа” заблаговременно посылал передовой отряд. Они не только организационными делами занимались, но и ремонтом. Как выяснилось, штукатурила наше общежитие председатель профкома Прупис, а застеклением окон занималась Косачевская. Неплохо поработали»¹⁴².

В апреле ректор А.А. Вознесенский подписал смету на ремонт университетских зданий. В смету были включены: Главное здание, здания филологического, исторического, химического, математико-механического факультетов, здания институтов, лабораторий, кафедр, котельной во дворе Главного здания, Биологического института в Петергофе, столовой № 8, среднего флигеля общежития на Мытнинской набережной, общежития на 5-й линии В.О., д. 66, без восстановления разбомбленной части, ремонт и надстройка общежития на ул. Стахановцев, д. 17 и др. 6 июня 1944 г. он приезжал в Ленинград с целью подготовки эвакуации

университета¹⁴³. 5 ноября 1944 г. он получил благодарность народного комиссара просвещения В. Потемкина за успешную работу и премию 1500 руб.¹⁴⁴

5. Послевоенные годы

В мае-июне 1944 г. была осуществлена реэвакуация ЛГУ. Несколько месяцев ушло на подготовку учебных помещений к занятиям. Учебный процесс начался 2 октября. Вернувшись в Ленинград, А.А. Вознесенский продолжал свою деятельность по развитию образовательной и научной деятельности ЛГУ. За время его ректорства здесь появился четыре новых факультета, в числе их был юридический, восстановленный после 14-летнего перерыва¹⁴⁵. Был восстановлен по инициативе А.А. Вознесенского и восточный факультет. Во время пребывания университета в Саратове была создана инициативная группа по его созданию в новых условиях, в которую вошел профессор В.М. Штейн, который разработал профиль нового факультета, структуру его учебных планов¹⁴⁶. Появилось в ЛГУ 46 новых кафедр, 12 научно-исследовательских институтов. И на первых же послевоенных выборах в АН СССР сразу шесть ученых ЛГУ стали действительными членами и 19 – членами-корреспондентами. Он стал одним из основателей специального высшего экономического образования в стране, заведовал кафедрами политической экономии в ЛГУ и в ряде других вузов Ленинграда. Крупные и плодотворные изменения произошли в качественных характеристиках научной, преподавательской и воспитательной работы. Многие его начинания приобрели всесоюзное значение, способствовали прогрессу высшего образования в стране. Трудные послевоенные годы восстановления ЛГУ стали годами расцвета его административной и учебной деятельности¹⁴⁷.

В связи с предстоящим 125-летием в марте 1944 г. ЛГУ был награжден орденом Ленина. Тогда же такой орден получил и А.А. Вознесенский. Под его руководством была создана Юбилейная комиссия¹⁴⁸. В университетской печати была помещена его статья «Наши задачи в новом учебном году»¹⁴⁹, отмечалось его выступление на совещании аспирантов ЛГУ¹⁵⁰, о вручении ему медали «За оборону Ленинграда»¹⁵¹. В статье, посвященной открытию 20 ноября юбилейной сессии, он писал о значении ЛГУ в развитии образования и науки¹⁵², затем на заседании учебного совета сделал доклад о ее итогах¹⁵³.

В феврале 1945 г. была проведена вторая конференция, посвященная 125-летию ЛГУ. Она проходила в Ленинграде в помещении Филармонии. Как вспоминает Л.Л. Эльяшова, она на торжестве сидела на балконе напротив сцены рядом с проф. А.М. Александровым. С началом нового учебного года появилась статья А.А. Вознесенского «Ленинградский университет на новом этапе»¹⁵⁴. Он сделал доклад «О задачах экономистов» на теоретической конференции, проходившей на политико-экономическом факультете и посвященной речи товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей, на которой присутствовало 200 человек. Выступал он и в прениях¹⁵⁵. Прочел доклад «Основная экономическая задача СССР» в университетском лектории (цикл лекций по послевоенной экономике)¹⁵⁶. Сделал доклад «О задачах славяноведения» на посвященной этой теме конференции¹⁵⁷, как обычно, в начале учебного года поместил статью о задачах ЛГУ¹⁵⁸.

Начался быстрый рост политико-экономического факультета. Число студентов и аспирантов превысило довоенный уровень: 1940/1941 – около 200, 1944/1945 – 110, 1945/1946 – 221, 1946/1947 – 281, 1947/1948 – 347 (по плану). В 1945 г. на нем создается кафедра статистики (заведующий – профессор Л.В. Некраш), ставшая третьей кафедрой факультета. За время ректорства А.А. Вознесенского по его инициативе правительство после войны трижды принимало постановления об ЛГУ, сыгравшие важнейшую роль в превращении его в крупнейший научно-учебный центр страны. Он привлекал к работе в ЛГУ первоклассные научные силы и создавал им максимально возможные благоприятные условия для вдохновенно творчества. 4 сентября 1946 г. он выступил с докладом

«Об усилении внимания к советской литературе, борьбе с низкопоклонством перед Западом, преодоления приятельской атмосферы на кафедрах» на объединенном заседании кафедр русской и западных литератур. Он вынужден был его сделать на основе постановлений ЦК ВКП(б) от 14 и 26 августа и вытекающих из них указаний для перестройки работы филологического факультета¹⁵⁹. Хотя вряд ли он их в душе полностью одобрял.

Сделал доклад 3 января 1947 г. «О роли науки в социалистическом обществе» на научной сессии ЛГУ. 13 января выступил с оценкой ее итогов¹⁶⁰. 17 февраля выступил на совещании актива вузов Ленинграда¹⁶¹, 20 февраля на отчетном годовом акте ЛГУ¹⁶². 10 марта сделал доклад «Роль науки в социалистическом обществе» на открытии конференции студенческого научного общества ЛГУ, созданного год назад по его инициативе¹⁶³, а 8 мая выступил на заключительном заседании этого общества в зале Филармонии на тему «Советская наука, литература и искусство в новой сталинской пятилетке»¹⁶⁴. 11 мая выступил с докладом о деятельности ЛГУ на проводившемся тогда «Дне открытых дверей»¹⁶⁵. 26 мая 1947 г. на выпускном вечере филологического факультета выступил «с теплым приветственным словом»¹⁶⁶. Опубликовал статью «Крупнейший научно-учебный центр страны»¹⁶⁷. В октябре выступил на собрании научных работников ЛГУ – «Против низкопоклонства перед буржуазной наукой» с участием секретаря горкома партии по пропаганде. В своем докладе критиковал филологов, Я.С. Розенфельда в связи с его книгой «Промышленность Соединенных штатов Америки и война», которую к этому времени уже всячески поносили. Сказал, что она представляет собой печальный пример того, к чему приводит объективизм, что это неудачная книга, по существу не марксистская. В основу ее положена порочная методология. Две крупнейшие ошибки допустил ее автор: некритическое отношение к буржуазным источникам и объективизм исследования¹⁶⁸. Действительно он так думал или нет, кто знает. В начале ноября опубликовал статью «Ленинградский университет за годы советской власти»¹⁶⁹. Может быть, это как бы в противовес изруганной книге под аналогичным названием. Были помещены фотографии А.А. Вознесенского как кандидата в депутаты Горсовета, а потом уже как депутата¹⁷⁰. 4 декабря выступил с докладом «Социалистическое общество и советский патриотизм» на студенческой конференции «О советском патриотизме»¹⁷¹.

Новый 1948 г. начался в университетской печати с материалов о дискуссии на филологическом факультете, представлявшей собой окончательный разгром научного литературоведения. Выступивший А.А. Вознесенский призывал, как и положено, к остроте критике, но упоминал и о необходимости принципиальности в оценках¹⁷². На традиционном годичном отчетном акте ЛГУ он уже не присутствовал, и ему послали приветствие в Москву¹⁷³. Он продолжал постоянно расширять связи с университетской общественностью. И здесь можно привести слова Н.Н. Фирсова: «Хочу сказать о той огромной помощи, которую оказывал комсомолу ректор А.А. Вознесенский. Каждая полезная инициатива комсомола находила и его энергичную поддержку. Он заботился о молодежи, был чуток и внимателен к ней. Комсомольские активисты часто встречались с ректором. А мне приходилось встречаться с ним почти ежедневно, советоваться о наших больших и малых делах»¹⁷⁴.

А.А. Вознесенский приказом № 815 от 22 апреля 1947 г. под его председательством создал Общеуниверситетскую комиссию по истории ЛГУ в годы Великой Отечественной войны. Там было сказано, что деятельность профессорско-преподавательского состава и студентов во время войны является одной из славных страниц его истории, Поэтому он считал весьма ценной инициативу исторического факультета по сбору документов и материалов, характеризующих эту деятельность¹⁷⁵. Он заботился о том, чтобы этот подвиг и понесенные потери не были забыты. Свидетельством этого является письмо в Ленинградскую городскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщ-

ников: «На Ваш запрос представляем список виднейших деятелей науки ЛГУ, погибших во время блокады Ленинграда. Ректор А.А. Вознесенский». В приложении представлены характеристики на шестерых погибших ученых: А.А. Ухтомского, В.С. Порецкого, В.С. Садикова, П.П. Иванова, А.В. Немилова, Д.Н. Кашкарова¹⁷⁶.

Лев Александрович считал большой заслугой его отца то, что он дал возможность Л.Н. Гумилеву 8 декабря 1948 г. защитить кандидатскую диссертацию на степень кандидата исторических наук. Ее темой была «Подробная политическая история первого тюркского каганата». И это несмотря «на яростное сопротивление местных и московских властей». После этого Л.Н. Гумилев поступил научным сотрудником в Музей этнографии народов СССР. А 7 ноября 1949 г. он был вновь арестован и осужден на 10 лет лагерей¹⁷⁷.

12 апреля 1946 г. было подтверждено заведение А.А. Вознесенским кафедрой политической экономии¹⁷⁸. 6 октября 1947 г. был издан в МВО приказ № 1675/К об

утверждении его заведующим кафедрой политической экономии по совместительству¹⁷⁹. Несмотря на загруженность административными и общественными делами, он продолжал принимать участие в проводимых на политико-экономическом факультете конференциях. 24 января 1947 г. А.А. Вознесенский получил благодарность министра высшего образования за успешную работу¹⁸⁰.

В свое время немало писали о деятельности А.А. Вознесенского на посту вице-председателя Славянского комитета СССР и Общеславянского комитета (избран в Белграде в декабре 1946 г.). Об этом, в частности, свидетельствовало значительное число уничтоженных после его ареста фотографий, относящихся к его выступлениям во время различных заседаний, на конгрессах, во время митингов в Югославии, Польше, Чехословакии. Он сыграл большую роль в установлении контактов ученых разных стран, в том числе славистов. Но из официальной истории это как бы было вычеркнуто.

¹ Вознесенский Л.А. Истины ради... М., 2004. С. 52.

² ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных в 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 3.

³ Вознесенская В.А. Воспоминания о брате и семье (Написаны в 1962 г.). Интернет.

⁴ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных в 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 3.

⁵ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб, 2009. С. 135.

⁶ Научные работники Ленинграда. 1934. С. 70. В.А. Вознесенская упоминается в воспоминаниях Л.М. Демина как его преподаватель. Студенты обсуждали происходившие трагические события, гонения на ученых. «Еще вчера я почувствовал что-то неладное, — вмешался в разговор Федя. — Зашел к Валентине Алексеевне за моим рефератом. Спрашиваю, когда примете у меня экзамен. Валентина Алексеевна отвечает как-то вяло, безучастно — пока не знаю. Вам сообщат. Полистал дома свой реферат и вижу — в разделе библиографии тщательно вырезана первая страничка. А на ней после сталинских работ была упомянута книга Николая Алексеевича Вознесенского о военной экономике». Вскоре автор воспоминаний видит вывешенный на доске объявлений список уволенных преподавателей, в котором она указана первой с формулировкой: «Освободить от занимаемой должности как не утвержденную в установленном порядке». Тогда же ее исключили из партии (Демин Л.М. Как это было... О герценовских студентах 1940-х гг. // Вестник Герценовского университета. 2009. № 7. С. 75, 76).

⁷ Судьбы людей... С. 137.

⁸ Там же. С. 138, 206.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Михельсон В. Прерванный полет // Ленинградский рабочий. 1990. 2 нояб.

¹² Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 51, 52.

¹³ Там же. С. 46, 689.

¹⁴ Там же. С. 599.

¹⁵ Там же. С. 313; Писал, что когда заключенные его лагеря узнали о смерти Берии, ликованию не было предела. Но начальники лагеря горевали, регистрируя освобождаемых людей. Начальник лагерного пункта говорил: «Что же я буду делать без вас, я же ничего больше не умею?» — «Ничего, — утешали его бывшие заключенные-оптимисты, — нас выпустят, других посадят». При выходе из лагеря начальники только просили: «Вы уж не рассказывайте, что у нас делается». Но никаких подписок о неразглашении условий содержания не брали (Там же. С. 344, 347); Судьбы людей... С. 136.

¹⁶ Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 210.

¹⁷ Вознесенский Э.А. Вхождение в жизнь // Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 651; Судьбы людей... С. 136.

¹⁸ Научные работники Ленинграда. 1934. С. 239.

¹⁹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 34 (уволенных 1949). Личное дело № 681. Л. 2, 6, 12, 18, 23.

²⁰ Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947. 1948. С. 325, 332. В составлении кратких очерков приняли участие А.А. Вознесенский, В.В. Рейхардт и В.М. Штейн.

²¹ Коммунисты университета в борьбе за передовую советскую науку // ЛУ. 1949. № 17. 5 мая.

²² Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 33.

²³ Там же. Л. 34; ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1623. Л. 62.

²⁴ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 34 (уволенных 1949). Личное дело № 681. Л. 35.

²⁵ Там же. Л. 32.

²⁶ Судьбы людей. «Ленинградское дело». С. 135.

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Там же. С. 136. Ирина Александровна Вознесенская вполне справедливо была возмущена тем, что на экономическом факультете ЛГУ в галерее, посвященной его деканам, повесили портрет С.А. Ильина — непосредственного виновника трагических событий на факультете. Она сняла его, унесла домой и уничтожила. После этого руководство факультета сочло за благо вообще ликвидировать эту галерею.

²⁹ ВП на 1925 г. С. 75/3.

³⁰ ВП на 1926 г. С. 68/3; На 1927 г. С. 106/3 и т. д.

³¹ ВП на 1929 г. С. 115/3; На 1930 г. С. 98/3; На 1931 г. С. 86/3.

³² Тюльпанов С.И. Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист. К 75-летию со дня рождения А.А. Вознесенского. 1973. С. 5. Обращает на себя внимание то, что в своей анкете А.А. Вознесенский указал на знание латинского языка, хотя и слабое. Видимо, это результат учебы в гимназии.

³³ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 60.

³⁵ Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 56. Указывал, что его отец много лет носил морскую форму.

³⁶ Там же. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 65; Научные работники Ленинграда. 1934. С. 70.

³⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 3.

- ⁴¹ Вознесенская В.А. Воспоминания о брате и семье...
- ⁴² Карпов И.И. Лекции, экзамены, практика // На штурм науки. Воспоминания студентов факультета общественных наук ЛГУ. 1971. С. 172.
- ⁴³ Лазерсон Р. Воспоминания // Там же. С. 177.
- ⁴⁴ Ром. М.А. Первые шаги студенческой парторганизации (1920–1921) // Там же. С. 12.
- ⁴⁵ Там же. С. 25.
- ⁴⁶ Там же. С. 38.
- ⁴⁷ Записки Научного общества марксистов. 1923. № 4. С. 5–46. Содержались многочисленные цитаты из работ Н.И. Бухарина.
- ⁴⁸ Там же. 1924. № 6. С. 170–181.
- ⁴⁹ Тюльпанов С.И. Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 6, 7.
- ⁵⁰ Под знаменем марксизма. 1925. № 12. С. 119–142. Не раз в положительном смысле упоминался Н.И. Бухарин.
- ⁵¹ Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 162–172.
- ⁵² Обществоведение в советской школе. 1931. № 6. С. 33–48. Сокращенная стенограмма доклада на конференции обществоведов в Ленинграде в начале 1931 г. В основном направлена против двух меньшевиков-вредителей А.Ю. Финна-Енотаевского и И.И. Рубина. Косвенно против Н.И. Бухарина, К.В. Островитянова и И.А. Лапидуса.
- ⁵³ Политическая экономия. Учебник для комвузов и вузов. Составлен бригадой научных сотрудников ЛОКА. Бригадир и редактор Б.Д. Кофман. 1931. Второе издание, исправленное и дополненное, опубликовано в начале 1932 г. Указаны написанные А.А. Вознесенским в 1-м томе разделы: «Предмет и метод политической экономии» (С. 15–58) и «Товар» (С. 59–168). Эти разделы он поместил и в 3-м издании. Видимо, выпуск фактически за полтора года трех изданий во многом объясняется тем, что авторам отдельных глав приходилось все время открещиваться от политэкономов, на которых они положительно ссылались в предыдущих выпусках учебника. От выпуска к выпуску усиливалась критика Н.И. Бухарина, не говоря уже о И.И. Рубине и многих других.
- ⁵⁴ Правда. 1941. 2 июня.
- ⁵⁵ Тюльпанов С.И. Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 4; Пропаганда и агитация. 1941. №. 4. С. 33–39.
- ⁵⁶ Ленинградская правда. 1940. 17 мая.
- ⁵⁷ Там же. 1940. 23 марта.
- ⁵⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 12, 13.
- ⁵⁹ Саков М.П. Талантливый советский экономист // Ученый-коммунист... С. 15–17.
- ⁶⁰ Там же. С. 30. Наиболее полный перечень трудов А.А. Вознесенского приведен в сборнике «Избранные экономические сочинения» (М., 1983). Всего их насчитывается 84. Наиболее ценные посвящены острым политико-экономическим вопросам, а также методике преподавания этой дисциплины, задачам расширения роли университетов в научной и педагогической работе. Первая публикация была в 1923 г. – «Социально-экономические предпосылки австрийской школы». Последняя – 13 июля 1949 г. в Учительской газете – «Всемерно укреплять дошкольные учреждения», т. е. за 36 дней до ареста.
- ⁶¹ Зак С.Д. Об одной неопубликованной рукописи А.А. Вознесенского // Ученый-коммунист... С. 30.
- ⁶² Там же. С. 42.
- ⁶³ Вознесенский Л.А. Указ. соч. С. 60. (Здесь речь идет об упомянутом «Учебнике политической экономии», составленном бригадой научных сотрудников ЛОКА под руководством и редакцией Б.Д. Кофмана).
- ⁶⁴ Там же. С. 61.
- ⁶⁵ Там же. С. 62.
- ⁶⁶ Тюльпанов С.И. Александр Алексеевич Вознесенский. Биографический очерк // Ученый-коммунист... С. 9. Добавим, что в 1985 г. были изданы «Избранные экономические сочинения» А.А. Вознесенского. И в вводной статье там имеются дополнительные соображения о ценности научных трудов этого автора.
- ⁶⁷ Алексеев М.П., акад. Прирожденный руководитель // Ученый-коммунист... С. 94, 95.
- ⁶⁸ Тюльпанов С.И. На Ленинских курсах ЦК КПСС // Ученый-коммунист... С. 113. Занятия курсов проходили в Парадном зале Мариинского дворца.
- ⁶⁹ Юдовин Э. О работе кафедры политической экономии // ЛУ. 1939. 31 дек. № 48. С. 3. Материал по истории преподавания экономических наук подготовлен на основе: Широкопад Л.Д., Дмитриев А.Л. Жизненный и творческий путь Якова Самойловича Розенфельда // Розенфельд Я.С. Крупная буржуазия России и ее политическое значение. СПб., 2010. С. 3–30.
- ⁷⁰ Перенесение курса политической экономии на будущий год // ЛУ. 1941. 7 февр.
- ⁷¹ Носов В. Год работы на основе штатно-окладной системы // Советская наука. 1939. № 2. С. 147.
- ⁷² Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1936. 21 мая. С. 42.
- ⁷³ Резолюция 1-го Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР // Там же. 1938. № 6/7. С. 5.
- ⁷⁴ Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы // Там же. 1938. № 6/7. С. 64.
- ⁷⁵ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных в 1949 г.). Личное дело № 22. Карточка движения по службе. Л. 65.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 775. Л. 82.
- ⁷⁹ Ленинградский университет за советские годы. С. 283.
- ⁸⁰ Вестник высшей школы. 1940. № 7. С. 20.
- ⁸¹ Плоткин С.Я. Экономическая подготовка студентов – серьезная политическая задача // Там же. 1941. № 2. С. 5.
- ⁸² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 582. Л. 32.
- ⁸³ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Вознесенский А.А. Карточка движения по службе. Л. 65. По некоторым данным, был и приказ от 23 июля 1940 г.
- ⁸⁴ XVIII съезд ВКП (б). Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Докладчик т. В.М. Молотов // Пропаганда и агитация. 1939. Апр. № 7. С. 20.
- ⁸⁵ Там же. 1940. № 8. С. 23.
- ⁸⁶ Шумилов Н. Руководящие кадры должны овладеть экономикой производства // Там же. 1940. № 12. С. 15.
- ⁸⁷ Обсуждение работы ЛГУ в коллегии НКП РСФСР // ЛУ. 1940. 20 дек. С. 2.
- ⁸⁸ Об итогах выборов руководящих парторганов в первичных партийных организациях. Доклад секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) тов. А.А. Кузнецова на совещании секретарей парткомов и секретарей бюро первичных парторганизаций г. Ленинграда 30 мая 1941 г. // Пропаганда и агитация. 1941. № 11. С. 10.
- ⁸⁹ Ковалев В.В. Эволюция финансовой науки в Петербургском университете // Очерки по истории финансовой науки. 2009. С. 84. Политико-экономический факультет был создан в соответствии с приказом ректора ЛГУ № 80 от 23 августа 1940 г.
- ⁹⁰ Ленинградский университет за советские годы. С. 284–287.
- ⁹¹ Торкановский В.С. Экономический факультет: от Вознесенского до Кудрина // СПбУ. 2000. 28 авг. С. 7.
- ⁹² Он же. Живое прошлое // Мы знаем... С. 702–708. Мнение В.С. Торкановского о том, что между братьями Вознесенскими отсутствовала какая-либо связь, представляется слишком категоричным. Трудно себе представить, что этой связи вообще не было. Другое дело, что она не афишировалась.

⁹³ Храпунова Л.Г. Незабываемое время // Мы знаем... С. 106.

⁹⁴ Зак С.Д. Разные материалы. Архив С. Мамоновой.

⁹⁵ Торкановский В.С. Живое прошлое. Рукопись. Архив С. Мамоновой.

⁹⁶ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 177.

⁹⁷ Ленинградский университет в годы Великой Отечественной. С. 12–13.

⁹⁸ Фирсова С.М. Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

⁹⁹ Валькин Н.М. Прирожденный ректор // Мы знаем... С. 700.

¹⁰⁰ К 90-летию со дня рождения Олимпиада Соломоновича Иоффе // Юрист. № 6 (36). 2004. С. 54.

¹⁰¹ Кузнецов С.С. Из воспоминаний // Мы знаем... С. 74.

¹⁰² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 664. Л. 135.

¹⁰³ Там же. Л. 217; ОАСПБГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 2.

¹⁰⁴ Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 123.

¹⁰⁵ Торкановский В.С. Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

¹⁰⁶ Демин В.И. Из воспоминаний // Мы знаем... С. 32.

¹⁰⁷ Эльяшова Л.Л. Яркая светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня; От составителей // Мы знаем... С. 8.

¹⁰⁸ Смолкин М.Д. Комиссар отряда // Мы знаем... С. 415. Декан исторического факультета ЛГУ В.В. Мавродин вспоминал: «В

первые же дни Отечественной войны университет зажил бурной, боевой жизнью. И в это тяжелое время А.А. Вознесенский на посту ректора ярко, незабываемо проявил себя как человек, организатор <...> С присущей ему энергией, любовью, вкладывая всю душу, он взялся за большое, трудное, ответственное дело, став кормчим своей Alma mater. Энергичный, бодрый, преисполненный веры в грядущую победу, беззаветно служивший Родине и народу на посту, порученном ему партией, он вселял такую же бодрость и энергию в других. Всегда подтянутый, неунывающий, остроумный, он был строг и требователен к себе и к другим. Днем и ночью, как бессменный часовой, в своем кабинете и в зданиях факультетов, в опустевших общежитиях и аудиториях, в лабораториях и в местах возведения укреплений руководил напряженной жизнью поредевшего коллектива университета. Трудно представить себе, когда он отдыхал, когда спал. Как внимательного, отзывчивого, заботливого человека запомнили А.А. Вознесенского все те, кому пришлось жить и трудиться плечом к плечу в грозные дни Великой Отечественной войны»

¹⁰⁹ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 169.

¹¹⁰ Семенов В.Н. Александр Алексеевич Вознесенский // ВСПбГУ. Серия 5. 2010. Экономика. Вып. 3. С. 5. В этой статье, написанной от лица саратовца, правда по возрасту не очевидца событий, наряду с отмеченными многими заслугами А.А. Вознесенского указывается его напористость, которая нужна была в Ленинграде военной поры, но в мирном Саратове часто оборачивалась в ущерб местному университету, который все, что мог, отдал ленинградцам. «В целом же вынужденное соседство с Ленинградским университетом и напористая деятельность его ректора приносили больше «убытков» саратовской стороне – так считала В.А. Артисевич, тогдашня и.о. ректора СГУ. Часто А.А. Вознесенский действовал в обход ректората СГУ, ставя на первое место интересы своего вуза и свои собственные. В конце концов Вера Александровна доложила в обком о своем видении ситуации, попросив как-то умерить «аппетиты» энергичного «постояльца». Но в обкоме заявили, что вмешательство Александра Алексеевича недопустимо. В результате Министерством было принято беспрецедентное решение о временном административном объединении двух вузов. Ректором этого учебного новообразования был назначен А.А. Вознесенский, только так можно было его заставить, сочли в Министерстве, одинаково заботливо опекать оба подчиненных ему вуза» (Там же. С. 5–6). «Весной 1944 г. окончилась блокада Ленинграда, и по завершении очередного семестра коллектив ЛГУ начал экстренно собираться в дорогу. Отъезд ленинградцев прошел буднично – не было торжественного прощания, провожания – не было речей и пожеланий. И та, и другая сторона с облегчением расставались, устав от скученности и неудобств, связанных с двухлетним «проживанием». Отбывал из Саратова и «ректор по совместительству», чьи полномочия окончились 11 июня 1944 г. В этот день он сдал дела новому ректору Н.И. Усову» (Там же. С. 8).

Но были и другие мнения. Так, бывшая студентка Т.Б. Клопова об отъезде ленинградцев из Саратова вспоминала следующее: «Стоял прекрасный солнечный день. Вся интеллигенция Саратова пришла провожать нас. Была масса цветов. Играл духовой оркестр. Ленинградцы в обнимку с саратовцами прогуливались по платформе. Некоторые плакали» (Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 271). Также писали: «В эти годы на развитие университета [Саратовского] оказывали влияние такие ленинградские ученые, как физик Е.Ф. Гросс, историк В.В. Мавродин, филологи М.П. Алексеев, Г.А. Гуковский и Ю.Г. Оксман» (Саратовский университет им. Н.Г. Чернышевского. Интернет <http://ru.wikipedia.org/wiki>)

¹¹¹ Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 41.

¹¹² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 713. Л. 18.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. Л. 58.

¹¹⁵ Там же. Л. 73.

¹¹⁶ Там же. Л. 71.

¹¹⁷ Там же. Д. 1264. Л. 93.

¹¹⁸ Семенов В.Н. Указ. соч. С. 8. Заметим, что с началом Сталинградского сражения Саратов превратился в прифронтовой город, что особо осложнило жизнь эвакуированного ЛГУ и его ректора. «Юнкерсы постоянно кружили над новым прибежищем ленинградцев. Среди местного населения они вызвали большое возбуждение. Но обитатели «России» – гостины, где жили ленинградцы, относились к ним с поразительным спокойствием. Первое время еще смотрели в окна, выходившие на улицу, а потом перестали. Многие ложились спать, не дождавшись отбоя воздушной тревоги» (Из воспоминаний Я.С. Розенфельда (Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки. 1990. С. 17).

¹¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 775. Л. 141.

¹²⁰ Там же. Л. 129.

¹²¹ Там же. Оп. 17. Д. 847. Л. 68.

¹²² Там же. Оп. 14. Д. 775. Л. 99.

¹²³ Там же. Л. 55.

¹²⁴ Там же. Л. 76.

¹²⁵ Там же. Л. 5.

¹²⁶ Там же. Д. 713. Л. 19.

¹²⁷ Там же. Д. 775. Л. 96.

¹²⁸ Там же. Д. 836. Л. 19.

¹²⁹ Там же. Л. 41, 42.

¹³⁰ От составителей // Мы знаем... С. 13. Если более точно, то это было 125 лет с момента воссоздания университета, а не создания, как это потом считали.

¹³¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 836. Л. 39, 40.

¹³² Качаева В.А. В трудные годы // Мы знаем... С. 265.

¹³³ Вручение медалей «За оборону Ленинграда» // ЛУ. 1944. № 13. 20 нояб.

¹³⁴ Березина В.Г. ЛГУ и дом-музей Н.Г. Чернышевского в годы войны // Мы знаем... С. 271.

¹³⁵ Научная сессия, посвященная 125-летию ЛГУ. 1945 (без нумерации страниц).

¹³⁶ Шилова Е.И. Материалы к истории ЛГУ // Мы знаем... С. 95, 96.

¹³⁷ Ленинградский университет в Великой Отечественной. С. 18.

¹³⁸ Кузнецов С.С., Горелова В.И. Саратовская эпопея ЛГУ // «Мы знаем... С. 251.

¹³⁹ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 178.

¹⁴⁰ Фирсова С.М. Мой главный учитель. Из воспоминаний об А.А. Вознесенском // Мы знаем... С. 691–696. Написано автором в 1988 г. для книги «А.А. Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек», которая была подготовлена издательством ЛГУ к печати, но в свет не вышла. Публикуется впервые.

¹⁴¹ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 177. К саратовскому периоду относится и следующий отрывок из воспоминаний Л.Л. Эльяшовой: «Наш профессор, наш ректор А.А. Вознесенский обладал редким методическим даром – умел держать аудиторию два часа в непрерывном напряжении, превращая своих слушателей в единомышленников. Теоретические положения, высказанные на лекциях, не оставались абстракцией. Они объясняли жгучие вопросы современности. Поражала его демократичность. Помню, как нас двух членов комитета комсомола удивило отсутствие в Саратове жилья у ректора. Он заболел, мы пошли его проведать, а заодно решить неотложные дела. Оказалось, что ректор двух университетов жил в своем кабинете. За шторкой стояла кровать, которая задерживалась, когда жилье превращалось в кабинет» (Эльяшова Л.Л. Наш профессор, наш ректор // Мы знаем... С. 708–71). Заметим, что ректором университетов Ленинградского и Саратовского А.А. Вознесенский был с июня 1942 г. по июнь 1944 г.

¹⁴² Эльяшова Л.Л. Наш век. Из книги воспоминаний // СПб университет. № 13/14. 2003. 5 мая

¹⁴³ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволненных 1949). Личное дело № 22. Л. 14.

¹⁴⁴ Там же. Л. 15.

¹⁴⁵ Ленинградский университет за советские годы. С. 324.

¹⁴⁶ Там же. С. 348.

¹⁴⁷ Вознесенский Л.А. Истины ради ...С. 64, 65

¹⁴⁸ ЛУ. 1944. Спецвыпуск.

¹⁴⁹ Там же. № 6. 1 окт.

¹⁵⁰ Там же. № 9. 19 окт.

¹⁵¹ ЛУ. 1944. № 10. 26 окт.

¹⁵² Там же. № 13. 20 нояб..

¹⁵³ Там же. № 17. 28 дек.

¹⁵⁴ Там же. 1945. № 36. 28 сент.

¹⁵⁵ Там же. 1946. № 14. 13 апр.

¹⁵⁶ Там же. № 21. 31 мая.

¹⁵⁷ Там же. № 26. 22 июня.

¹⁵⁸ Там же. № 30. 31 авг.

¹⁵⁹ ВЛУ. 1946. № 3. С. 140, 141.

¹⁶⁰ ЛУ. 1947. № 3. 13 янв.; Там же. № 4. 21 янв.

¹⁶¹ Там же. № 8. 22 февр.

¹⁶² Там же. № 9. 3 марта.

¹⁶³ Там же. № 10. 8 марта.

¹⁶⁴ Там же. № 18. 15 мая.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. № 20. 3 июня.

¹⁶⁷ Там же. № 21. 11 июня.

¹⁶⁸ Там же. № 32. 16 окт.

¹⁶⁹ Там же. № 34. 7 нояб.

¹⁷⁰ Там же. № 40. 10 дек.; Там же. № 41. 17 дек.

¹⁷¹ Там же. № 40. 10 дек.

¹⁷² Там же. 1948. № 3. 21 янв.

¹⁷³ Там же. № 8. 3 марта.

¹⁷⁴ Фирсов Н.Н. [О восстановлении ун-та] // Мы знаем... С. 278.

По словам Л.Л. Эльяшовой, «у ректора были специальные дни приема студентов, и никого другого он тогда не принимал. К нему можно было прийти с любым личным вопросом и после возвращения в Ленинград, когда студентов стало несравненно больше. Однажды в перерыве между лекциями Александр Алексеевич обратился ко мне, назвав по фамилии. Я удивилась, что он ее знает, а он, оказываясь, знал даже то, что я – бытсектор комитета комсомола, и пригласил прийти к нему в кабинет по комсомольским делам. Профессор Вознесенский дал мне рекомендацию для вступления в партию. Этим я гордилась и горжусь. Для отопления общежития требовалось топливо. И на выгрузку бревен с пароходов шли прямо с лекций вместе с преподавателями. Помню, как одно бревно несли вместе с деканом нашего экономического факультета – В.В. Рейхардтом. Нашими профессорами, за редким исключением, можно было восхищаться. Даже те из них, кто лекции читал не очень интересно, многое давали нам благодаря своим знаниям, культуре, своеобразию и щедрости своей личности. Уважение к студенту без всякого панибратства, доверие к нему – таков был господствующий стиль отношений» (Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем...С. 178–179). Л.Л. Эльяшова также писала: «И как же мы любили своих Учителей! И не только своих. Многие профессора других факультетов выступали с публичными лекциями, воспоминаниями, просто общались со студентами. И мы знали и любили географа С.В. Калесника, астронома К.Ф. Огородникова, геолога С.С. Кузнецова, математика Г.М. Фихтенгольца, историков В.В. Мавродина и М.А. Гуковского, филолога Б.М. Эйхенбаума. Но несомненными всеобщими любимцами, на лекции которых набивались студенты разных факультетов, были экономист А.А. Вознесенский и филолог Г.А. Гуковский». Л.Л. Эльяшова вспоминала: «В моей жизни, как я считала, было два идеальных человека – мой отец и мой профессор. Отца в 37-м году навсегда увели люди, которым я сама открыла дверь. И Александр Алексеевич в какой-то степени заместил мне отца» (Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. 2005. С. 20; Она же. Простите нас. 2008. Интернет; Она же. Легендарный ректор Ленинградского университета. К 100-летию со дня рождения А.А. Вознесенского // СПбУ. 1998. 23 февр.).

¹⁷⁵ ЛГУ. Приказ № 815 // Мы знаем... С. 405. В числе профессоров, чьи воспоминания предполагалось собрать, был и Я.С. Розенфельд (Ленинградский университет в Великой Отечественной. 1990. С. 264).

¹⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1066. Л. 8. 1946.

¹⁷⁷ Вознесенский Л.А. Истины ради ... С. 32; Л.Н. Гумилев писал, что «из всех интеллигентов, с которыми я встречался, лучше всех к нему отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский. Он дал мне возможность защитить диссертацию в университете» (Автобиография. Воспоминания о родителях. Магнитофонная запись. Интернет).

¹⁷⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволненных за 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 23.

¹⁷⁹ Зак С.Д. Дело № 36. Разные материалы. Архив С. Мамоновой. Л. 62. Из других материалов его личного дела известно, что эта должность оплачивалась ему исходя из половины ставки.

¹⁸⁰ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволненных за 1949 г.). Личное дело № 22. Л. 31.